ПУТЕШЕСТВИЯ ПО МАЛАККСКОМУ ПОЛУОСТРОВУ В 1874-1875 гг.

Первое путешествие по Малаккскому полуострову

22 ноября 1874 г.-- 31 января 1875 г.

Tengo una palabra[1]*

22 ноября. Батавия[1]. После ночи, проведенной без сна (я должен был кончить поправку рукописей об этнологии папуасов Берега Маклая, написать несколько писем), я чувствовал себя относительно очень свежим, а когда г. Йеллинггауз, резидент[2] города, заехал за мною в 6 часов, чтобы отправиться к пристани небольшого парохода, который часов в 7 отвез нас к "Namoa" на рейд. Я получил отдельную каюту и так был занят переноской многочисленных моих вещей, что, когда г. Йеллинггауз должен был перейти снова на небольшой пароход, который возвращался в Батавию, я совершенно забыл передать ему свою рукопись и письма Л. Л.[3] Я дружески простился с этим человеком, который всегда был очень любезен ко мне и показывал мне много симпатии. Несмотря на усталость, я почти весь день провел на палубе. Пассажиров было немного: американский реверент[4] с женою, фон Свитен -- племянник генерала, Анастадиадес -- грек, проживший 12 лет в Тифлисе, теперь поселившийся в Калькутте.

24 ноября. После удобного плавания при гладком море и лунных ночах пришли мы вечером в Сингапур, где я поселился в Hotel d'Europe.

25 ноября. Узнал неприятную новость, что Sir A. Clarke[5], губернатор, отправился вчера в Малакку[6] по случаю беспорядков между населения. В отеле я встретил старых знакомых -- австрийского консула Кониги и американского майора Штудера.

26 ноября. Сделал визит лэди Кларк. Довольно красивая женщина, лет двадцати семи или двадцати восьми, любезная и простая, понимает и говорит по-французски, но имеет рыжие волосы. Я остался во время ее завтрака, сам ничего не ел и слушал ее болтание.

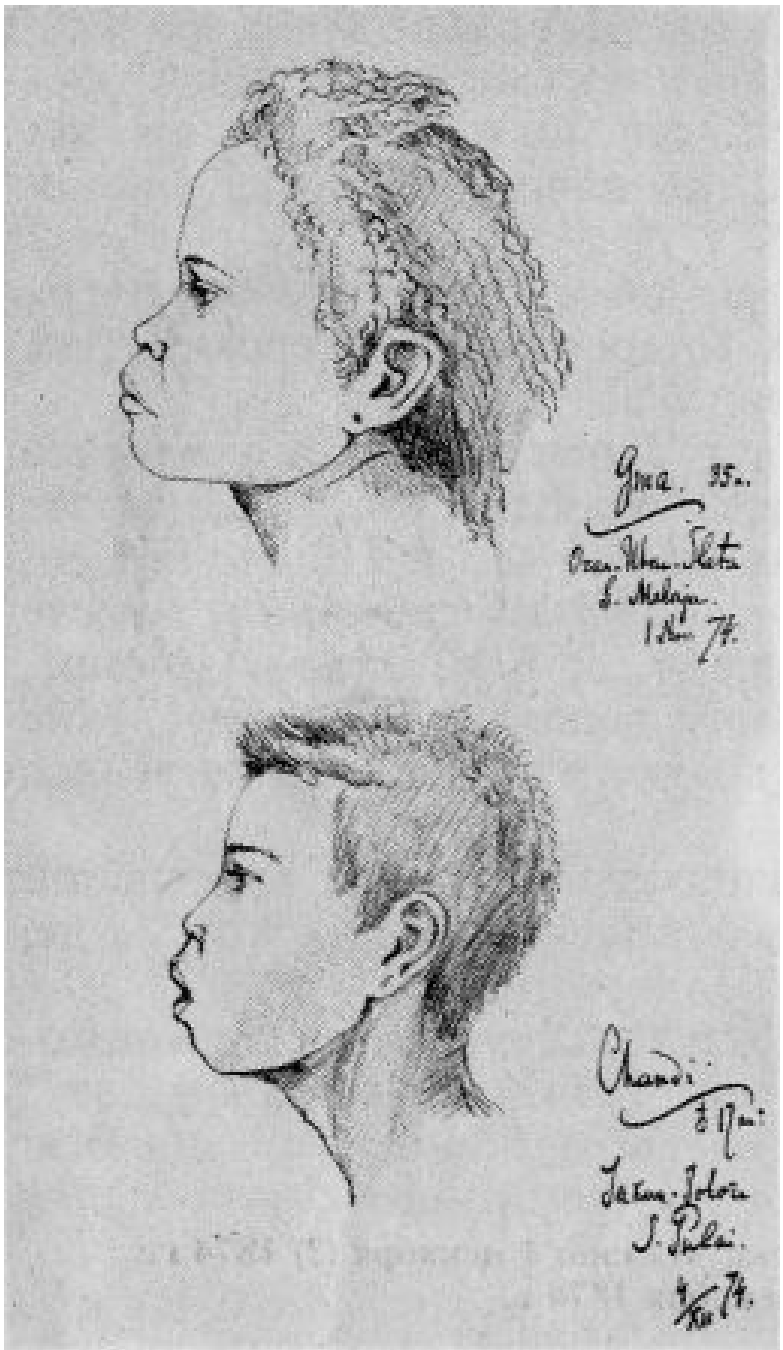
Детей у нее нет, муж старше ее двадцатью годами. Вчера Кониги рассказывал мне, что какой-то проезжий венгерский граф был очень влюблен в нее. Я подумал о Л.

27 ноября. Вчера познакомился с г. James Collins, директором небольшого нового здешнего музея -- Raffles Library[7]. В музее немного предметов этнологических из Борнео и Новой Гвинеи, подаренных Моресби и офицерами "Basilisk" (последние вместе с доктором Comrie, видевшим меня в гошпитале в Амбоине, распространили здесь известие о моей вероятной смерти)[8]. Мне представился некий г. R. Cusack, которому очень бы хотелось попутешествовать со мною.

28 ноября. Мне так *неудобно* заниматься в этой небольшой казарме (в Hotel'е), что решился отправиться в Йохор[9], где, вероятно, мне можно будет заниматься покойно.

29 ноября. После полуторачасовой езды и переправы в небольшом пароходе я прибыл в Йохор, резиденцию махарадьи[10] (императора), где был принят им очень любезно. Я не ошибся: дом, или дворец, махарадьи имеет хороший вид, и я помещен комфортабельно.

30 ноября. За завтраком я возобновил знакомство с г. Hole[11], которого видел в прошлом году у нашего вице-консула Вампоа[12]. Очень доволен моим местопребыванием.



Наверху:
Гма — женщина оран-утан-слета, 35 лет.
Река Малаю.
1 ноября (правильно — декабря) 1874 г.
Внизу:
Чанди — юноша якун-йохор, 17 лет.
Река Пулай. 4 декабря 1874 г.

Нингал — оран-утан-слета. 35 лет. Река Малаю. 1 декабря (?) 1874 г.; Чанди. Йохор. 4 декабря 1874 г.

1 декабря. Йохор-Бару[13]. После завтрака г. Hole предложил мне посетить так называемых оран-утан[14], которые занимаются рубкой леса недалеко. Мы отправились в полицейском сампане -- род большой шлюпки, средняя часть которой снабжена крышей от солнца и дождя. Через часа полтора гребли встретили в речке, называемой Сунги-Малаю[15], первую пирогу *оран-лаут-слета*[16]. Слета -- местность на о. Сингапуре, где, по преданию, жили прежде эти люди, которая теперь превращена в полицейскую станцию. Эти оран-утан, или, как их также здесь называют, якун-лаут[17], не имеют положительно постоянных жилищ, живут в своих пирогах, кочуя по рекам и морскому берегу[18]. Питаются они всем, что могут найти, едят даже своих собак. Они не приняли магомеданства[2]*, но очень многие сделались христианами, особенно оран-якун около Малакки (см!: Jagor, Reiseskizzen[19]). Имеют особый, отличный от малайского язык[20].

В первой пироге, которую мы встретили, я увидел старуху, которая гребла. Волосы ее образовали большой желто-белый парик, который большими прядями и клочьями падал на лицо; некрасивое, очень прогнатическое лицо имело трусливо-глупое выражение. Только средняя часть туловища была прикрыта какою-то тряпкою. Морщинистое грязное тело с отвислыми грудями и толстым животом было вдобавок покрыто накожной сыпью.

Около небольшого островка, который, однако ж, не представлял ни фута твердой земли, а состоял только из мангров, группировалось с десяток пирог, покрытых крышами[21]. Что мне сейчас же бросилось в глаза и заинтересовало -- это большая шапка волос у многих из них, напоминавшая мне папуасов. Большинство женщин и девушек были голые по пояс[22], дети (мальчики) совсем голые[23], мужчины с немногими исключениями имели одеждой только тидако[3]*.

Мы позвали всех последовать за нами и пристали к берегу, где, перенеся свои аппараты, несмотря на грозящий дождь, начал мерить и рисовать. Я обратил сперва внимание на волосы; у большинства волосы были курчавы, хотя у некоторых совершенно прямые, зато у трех или четырех женщин и нескольких детей волосы

оказались полупапуасообразными, совершенно как у папуасской смеси, которую я часто встречал около Серама. Губы у многих были толсты. Я пришел к заключению, что здесь *положительно* должна существовать *примесь папуасской крови*[25], несмотря на то, что головы оказались брахицефальны и цвет кожи[4]* не темнее других малайцев. Я смерил вместо этого ♂, который был выше и крепче других; он оказался 1,62 м. Смерил также совершенно развитую замужнюю женщину, которая не очень отличалась от других; она оказалась 1,38 м. Верхняя конечность длинна относительно роста. У многих я заметил следы оспы. Когда я мерил одну из девушек, она сильно тряслась от страха. Дождь заставил меня отложить дальнейшие наблюдения[26].

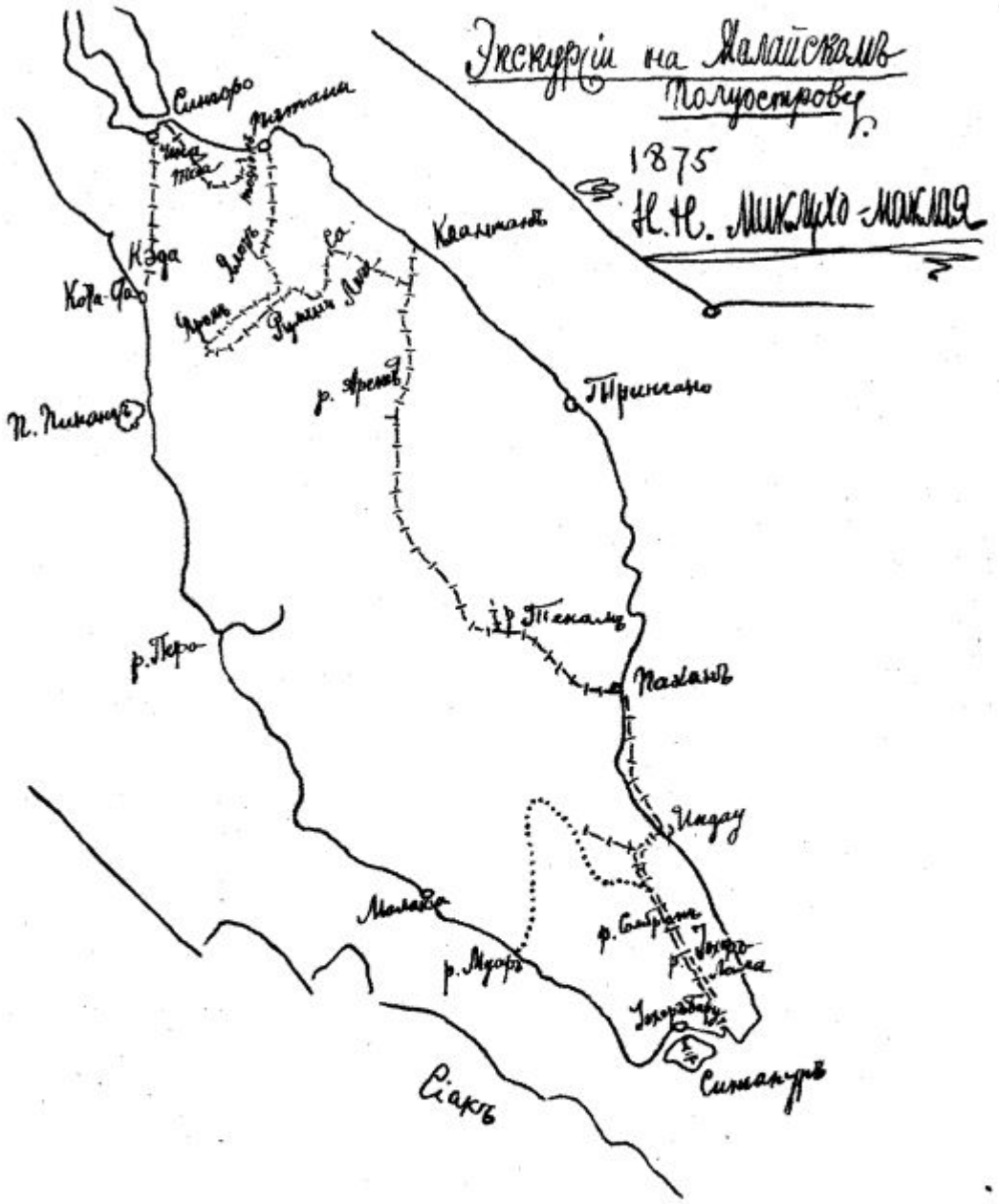
2 декабря. Целый день почти шел дождь. Положительно нагоняет хандру.

3 декабря. Несмотря на лучшую погоду, mon humeur[5]*, вспоминая, несмотря на то, что не хочу о том думать, Богор[27], devient toujours plus misanthrope[6]*. Г. Холе уехал в Сингапур. Я обедал один и был доволен одиночеством, как вдруг нагрянули неожиданно четыре англичанина, приехавшие в гости к махарадье. Только к 12 час. ночи они угомонились, а то болтали, пели, свистали etc., etc.[28] Положительно меня все более и более утомляют "die ordentlichen Mitglieder des Menschenpacks"[7]*.

9 декабря. Отправился утром в Сингапур, получил несколько писем и книг из Европы, но ни единого письма, которого ожидал из Богора. Горькое чувство несколько раз появлялось и надоедало мне, даже за обедом у Sir A. Clarke и даже вечером в театре, куда я был приглашен сопровождать губернатора и его жену. Узнал вечером, что d'Albertis[29] в Сингапуре и целый день ищет меня. После представления я отправился повидаться с ним, но неуспешно, вернулся в первом часу ночи к Вампоа.

10 декабря. Познакомился с d'Albertis. Говорили много о Новой Гвинее. Он отправляется на юго-восточный полуостров Новой Гвинеи с английскими миссионерами.

12 декабря. Отправиться прямо из Йохора в Малакку оказывается очень трудным, потому что дорог нет, и нести с собою достаточный запас провизии (даже один рис) для людей делает эту экскурсию почти что неисполнимою (люди могут нести на себе одну только провизию для себя), так что одно и то же: взять ли 5 или 10, или 20 человек с собою.



Схематическая карта путешествий по Малайскому (Малаккскому) полуострову, составленная Н. Н. Миклухо-Маклаем

Пунктир — первое путешествие (декабрь 1874 г.— январь 1875 г.), черточки — второе путешествие (июнь — октябрь 1875 г.)

14 декабря. Несколько месяцев тому назад несколько жителей Сингапура (оран-бугис)[30] были убиты в Йохоле; это были торговцы, а убийцы -- люди Пахан и Йохол. Так как замешаны были люди значительные, то махарадья йохорский не добыл виновных, так что (так как он обещал добыть их губернатору) он снаряжает третью экспедицию. Так как эта экспедиция должна проехать и пройти значительную часть Йохора, то я думаю сопровождать ее.

15/16 декабря. В 4 часа пополудни отправился я с г. Hole, секретарем махарадьи, со своим слугой Сайнаном (Сунда)[31] и Ахматом[32] на канонерской лодке махарадьи к устью р. Муар, куда подошли 16 декабря к 10 часам утра.

16 декабря. Река Муар имеет общее направление на NO, очень извилиста, хотя миль около 50 остается широкою; глубина приблизительно 6 или 7 сажен. Берега покрыты лесом, который прерывается поясом мангров. Живописная пальма "нибонг"[33] оживляет береговой пейзаж. Кое-где плантации, хотя очень примитивны, начинают появляться. Табак растет здесь очень хорошо; араруты[34] вследствие слишком жаркой земли подымаются слишком высоко. Плантации здесь, как и на Новой Гвинее, насажены без разбора: кофе, бананы, арарут, табак, Colocasia[35] и т. п. насажены друг около друга.

Правый берег принадлежит Малакке, левый -- Йохору.

Был великолепный заход солнца, который мне припомнил обещание, обоюдно данное[8]*.

Совсем стемнело, когда мы бросили якорь около нашей цели, которая называется Лынга[9]*. Здесь мы должны были найти главу станции, человека доверенного и к которому от махарадьи у меня были письма. В очень плоской пироге переехали мы на берег к плоту, которого круглые бревна и большие щели между ними[10]* гармонировали с пирогой и головоломною лестницей с очень далеко друг от друга отстоящими ступенями. Подобная пристань нарочно такая неудобная на случай нападения соседей. Взобравшись к веранде высоко на сваях стоящей хижины, нас встретил хозяин, инчи Анда (инчи -- титул)[36], который провел нас на веранду еще выше стоящей хижины, где мы все поместились около круглого [...][11]* Прочитав письмо от махарадьи, инчи Анда объявил мне, что он должен все делать, что я ни потребую[37]. Так как по справкам экскурсия в Йохол заняла бы более 15 дней, я решил изменить план и отправиться через Палон-Индау[12]* в Йохор.

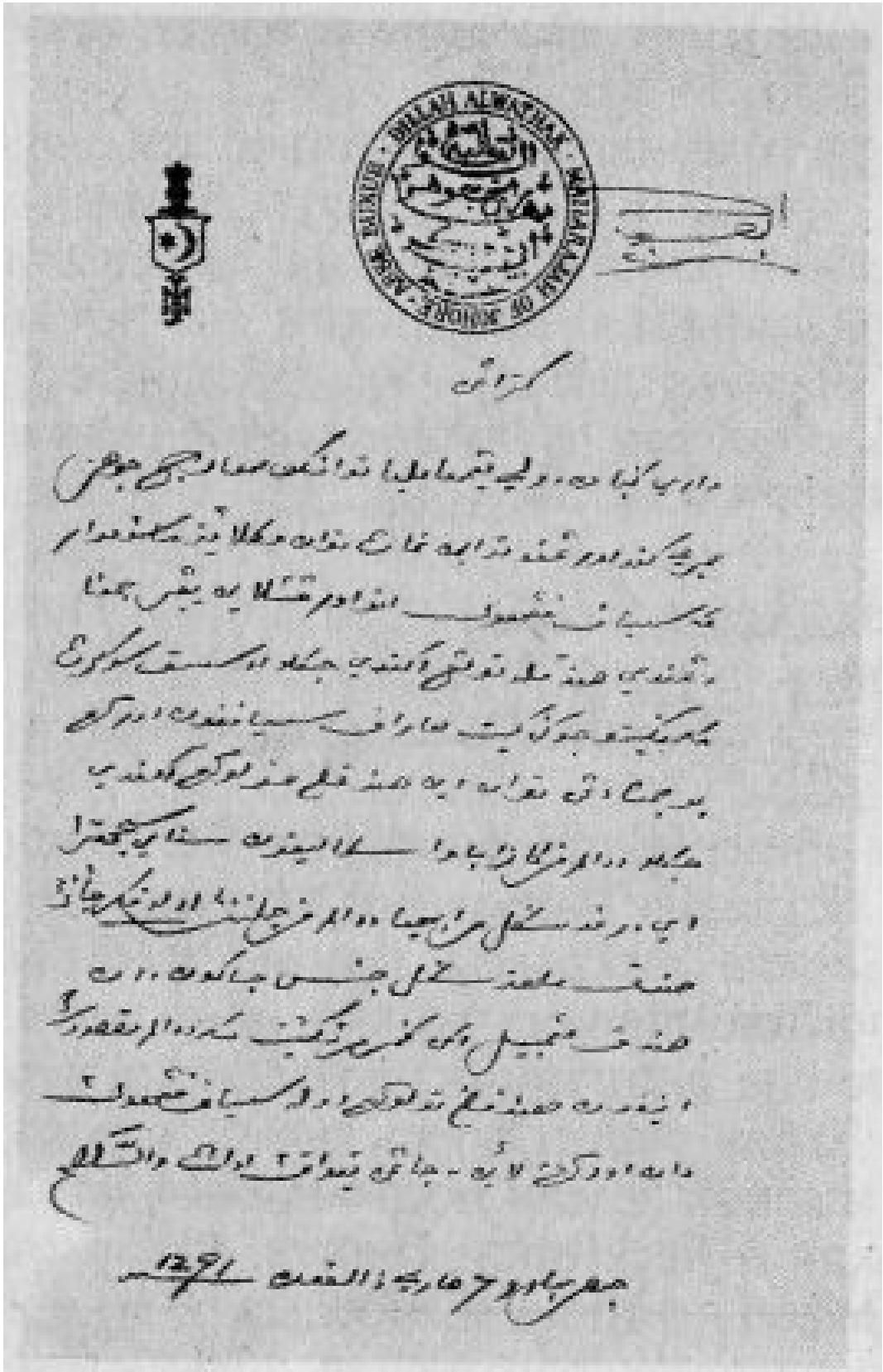
17 декабря. Лынга (О высоты над уровнем моря). С г. Hole обошли плантации за домом инчи Анда; встретили свежие следы тигра, который бродил ночью по плантации.

Вчера вечером собрал несколько сведений об якун; особенно замечательно племя, живущее в лесу и прячущееся от других. Их называют якун-лиар[38]. Они очень дики, питаются всем, что находят, не употребляют соли[39]. По сведениям, они не представляют большого различия от прочих якун. Я решил ждать этих последних, за которыми были посланы люди; в первом часу канонерская лодка "Пулай" с г. Hole ушла. Чувствую себя по временам очень нехорошо.

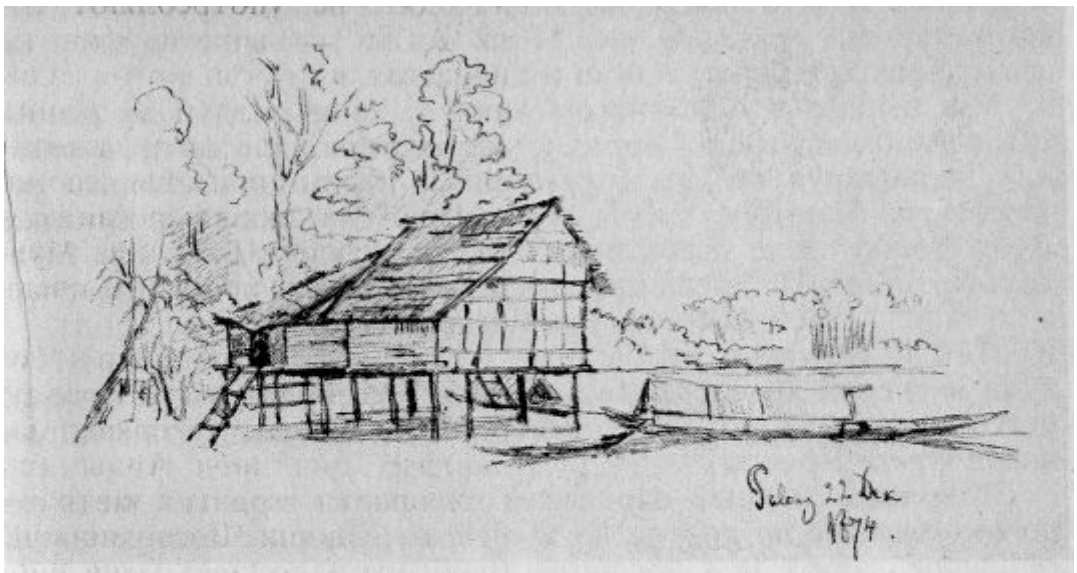
Люди якун не пришли -- боятся. Миссионер сказал правду: они боятся и не доверяют малайцам. Люди инчи Анды приготовляют патроны к завтрашней экспедиции. Воспоминание о Богоре наполняет меня иногда очень горьким чувством. Урок: не привязываться ни к кому и не верить в других.

Вечером сильный пароксизм лихорадки.

18 декабря. Отправляюсь, несмотря на головную боль, в Палонг[40].

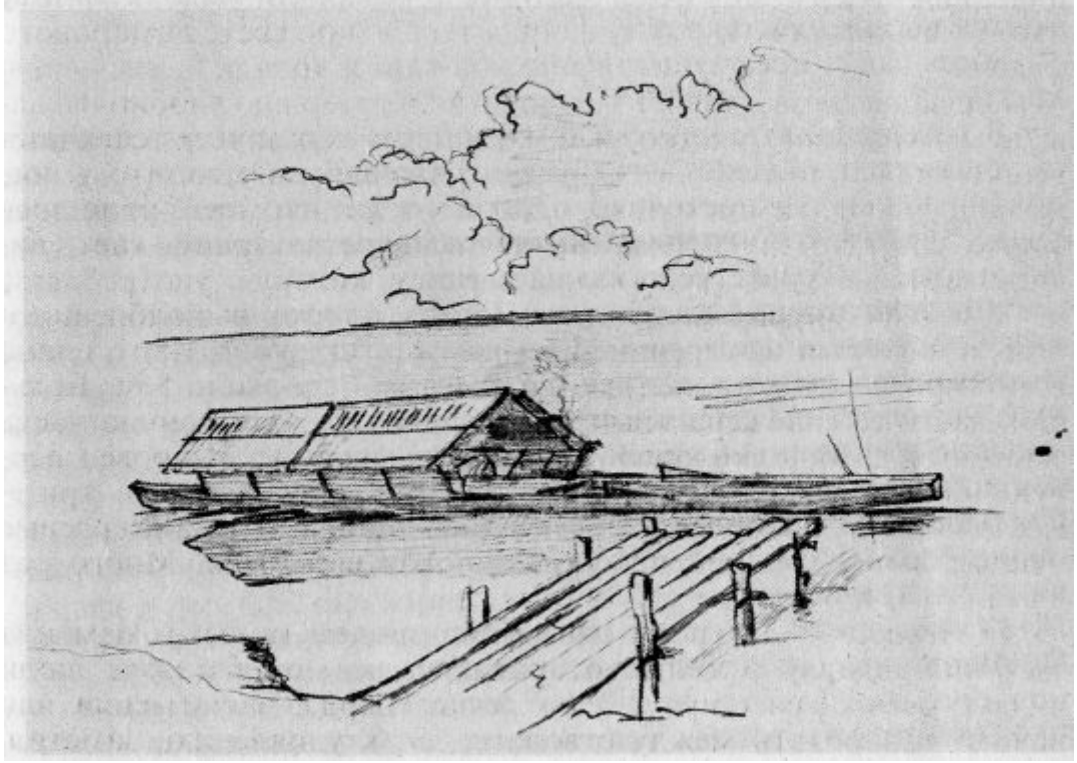


Рекомендательное письмо махарадьи



Палонг. 22 декабря 1874 г.

Яло. Букит Копон



22 декабря. На пятый день плавания вверх по реке сегодня причалили мы к плоту около хижины помулу[13]*, где пишу теперь при свете дамарового факела[41].

Плавание представляет то удобство, что можно удобно наслаждаться красивою местностью, между тем как при путешествии пешком приходится более обращать внимание на то, что у ног: на пни, лианы, камни и т. д., что мне, к досаде моей, пришлось много раз испытать; думаешь лучше видеть страну -- нет, видишь меньше. Удобство -- важная вещь в жизни.

Туземная пирога состояла из очень плоско выдолбленного ствола, который на середине был не уже, как около 1,5 м; длина всей пироги, которая называется здесь *яло*[14]*, около 8 м. Большая часть ее снабжена крышей из кадьяна[15]*. Переднюю часть занимают гребцы, которых у меня было четыре. Я провел первую ночь в хижине китайца[42] в Букит-Копон[43], другие три -- в яло, в лесу, затопленном высокою водою. Были прекрасные лунные ночи. Здешний помулу сопровождает меня. Много раз думал о Л. и о Богоре!..

22 декабря[16]*. Утром, переменив людей (вместо Измаила заступил помулу Хусейн), отправились я, мой багаж и люди в двух очень узких прау[17]* по речке Пырла, затем наши яло начали лавировать между стволами. Я, к удивлению, заметил, что мы незаметно из русла речки вышли в залитый лес. Глубина, смеренная в нескольких местах, была с лишком 2 м, но это продолжалось не более часа. Яло могло только с трудностью изворачиваться между пнями и лианами.

Мы вышли в болотистом месте. Люди разобрали багаж, каждый по небольшой ноше, и мы отправились, шагая в грязи или балансируя по скользким пням, переходя несколько раз через речку Пырлу и приток ее Клыду. Пришли к двум хижинам Лубу-Копон[44], где моим людям очень хотелось остаться. Было только половина двенадцатого, и я объявил, что отправимся в путь в 1 час. Так как здесь дорога разделяется, одна -- в Кратон на NO, другая в Бадон[18]* (селение оран-райет) на NNW, куда я сперва хотел отправиться, то, позавтракав, я отделил несколько вещей, которые захвачу на возвратном пути, направляясь к реке Кратон.

Довольно сильный пароксизм лихорадки захватил меня дорогою; мокрые по колено ноги с утра и палящее солнце подействовали скорее, чем предполагал. С удовольствием отдохнул полчаса в покинутой малайской хижине в Будян, около которой я увидал в первый раз ловушку для тигров, которых здесь немало. Голова кружилась и болела, когда отправились далее. Помулу и люди говорили, что идут только потому, что туан[19]* приказал и что мы не дойдем до селения; но в 4 часа 30 минут, увидав между деревьями просвет и спросив, что это, мне ответили: Нанка -- несколько малайских хижин и кобон[20]*. Перейдя через р. Пырлу, не знаю уже, в который раз, по пням, которые лежали на всех направлениях в плантации, мы пробрались к шаткой веранде около хижины на очень высоких местах: жители боятся посещения тигров[45].

Здесь садят преимущественно уби-каю и колади[46], рис -- редкость.

Я расспрашиваю при каждом удобном случае всех встречных об оран-утан, надеясь, что узнаю что-нибудь новое, но мне повторяют почти постоянно одно и то же: что оран-утан едят улал[21]*, тикус[22]*, что ни риса, ни соли им не нужно, что даже некоторые умирают, если им дать пищу, которую употребляют малайцы, что переменяют часто жилье, не строят хижин, а пондо[23]*, остаются один-два месяца здесь, потом уходят, что кроме узкого пояса, ничего не носят, согревают тело, нося головешку с собою, едят даже пиявок, обезьян и т. д., но что малайцы иногда берут женщин оран-утан (они не могли здесь негировать, как в Лынге), но не обратно -- оран-утан с ♀малайками. Узнал, что здесь якун называются *оран-райет*[48], или *оран-раят,* а далее около реки Кратон -- оран-утан, что оран-райет не любят, когда их называют якун[49].

Хижина на шестах почти 3 м вышины. Дер. Нанка. 24 декабря 1874 г.

24 декабря[24]*. Отсюда (Нанка) отправился на SW к селению (временному) оран Бадун, или Бадон, которого достиг через полтора часа[50]. Еще не дойдя до него, мы встретили толпу оран-райет, которые с женщинами, детьми, собаками отправлялись в другое место, но известие, что я иду в Бадон, что у меня табак и рис, переменило их намерение; и они согласились вернуться. Мужчины были, как мне рассказывали, почти голы, только penis и отчасти testicula были закрыты узкою тряпицею, но волосы около половых органов были видны по сторонам; женщины были одеты в саронг[51], дети почти все наги. Физиономии у них были различны, как и волосы; у некоторых физиономия была очень малайская, у других -- иная. Все они были малы ростом и немного темнее. Когда я сказал им, чтобы они шли бы вперед к деревне, они зашагали так быстро, даже четырехлетние дети, к моему удивлению, что скоро скрылись между деревьями, несмотря, что тропинка была очень неудобна: много шипов, сухого леса преграждало путь[52].

Бадон, селение оран-райет, имело 7 хижин[53], которые стояли разбросанно на довольно большом пространстве, на котором были вырублены большие деревья, стволы которых сохли и гнили там, где упали. Жители не потрудились нисколько прибрать их в сторону, срубить ветви, проложить хотя бы маленькую тропинку. Тропинок не было, хотя много что показывало следы шагов.

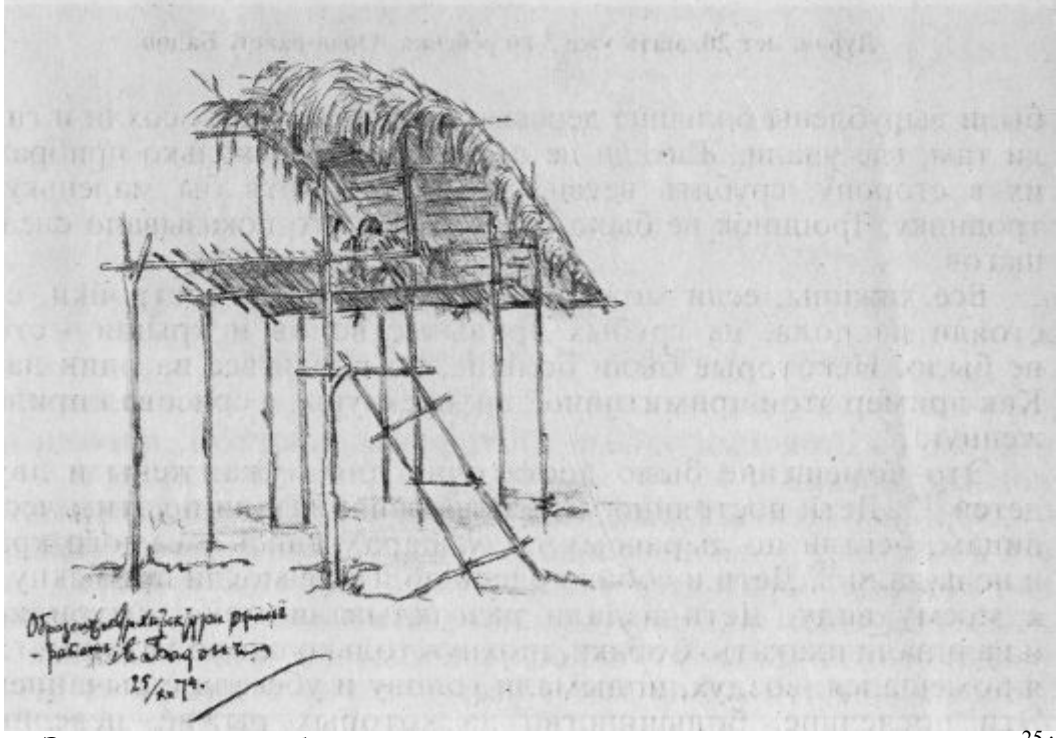
Все хижины, если можно называть так эти постройки, состояли из пола, из грубых кривых стволов и крыши -- стен не было. Некоторые были больше, но

почти все на один лад. Как пример этой примитивной архитектуры, я срисовал приложенную[54].

Дурия, лет 20, мать уже 3-го ребенка. Оран-райст. Бадон

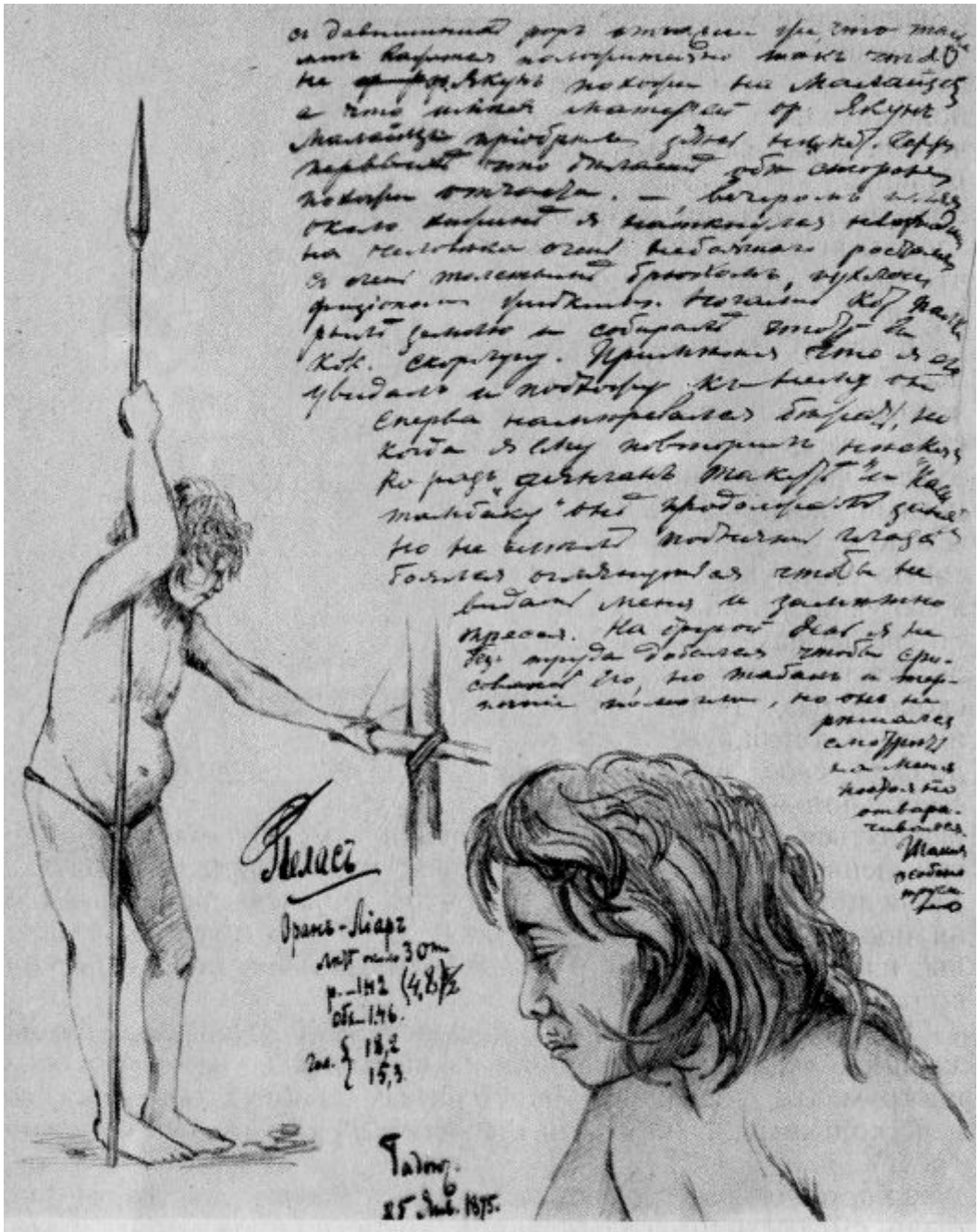
Бадон — небольшое малайское селение на р. Кратон.
25 декабря 1874 г.

Образец архитектуры оран-райет.
Бадон. 25 декабря 1874 г.



Это помещение было достаточно для мужа, жены и двух детей[25]*. Дети постоянно удивляли меня: лазали по этим лестницам, бегали по дырявому полу, барахтались у самого края и не падали[55]. Дети и собаки очень долго не могли привыкнуть к моему виду. Дети издали разглядывали меня, хмурились и начинали плакать. Собаки, нюхнув только около хижины, где я помещался, воздух, подымали голову и убегали с рычанием. Эти последние, большинство, из которых

рыжие, невелики ростом, со стоячими ушами и пушистым хвостом, похожи на новогвинейских.



Пелас — оран-лиар, лет 30. Бадон. 25 января 1875 г.

Сватн — оран-райет, лет 15

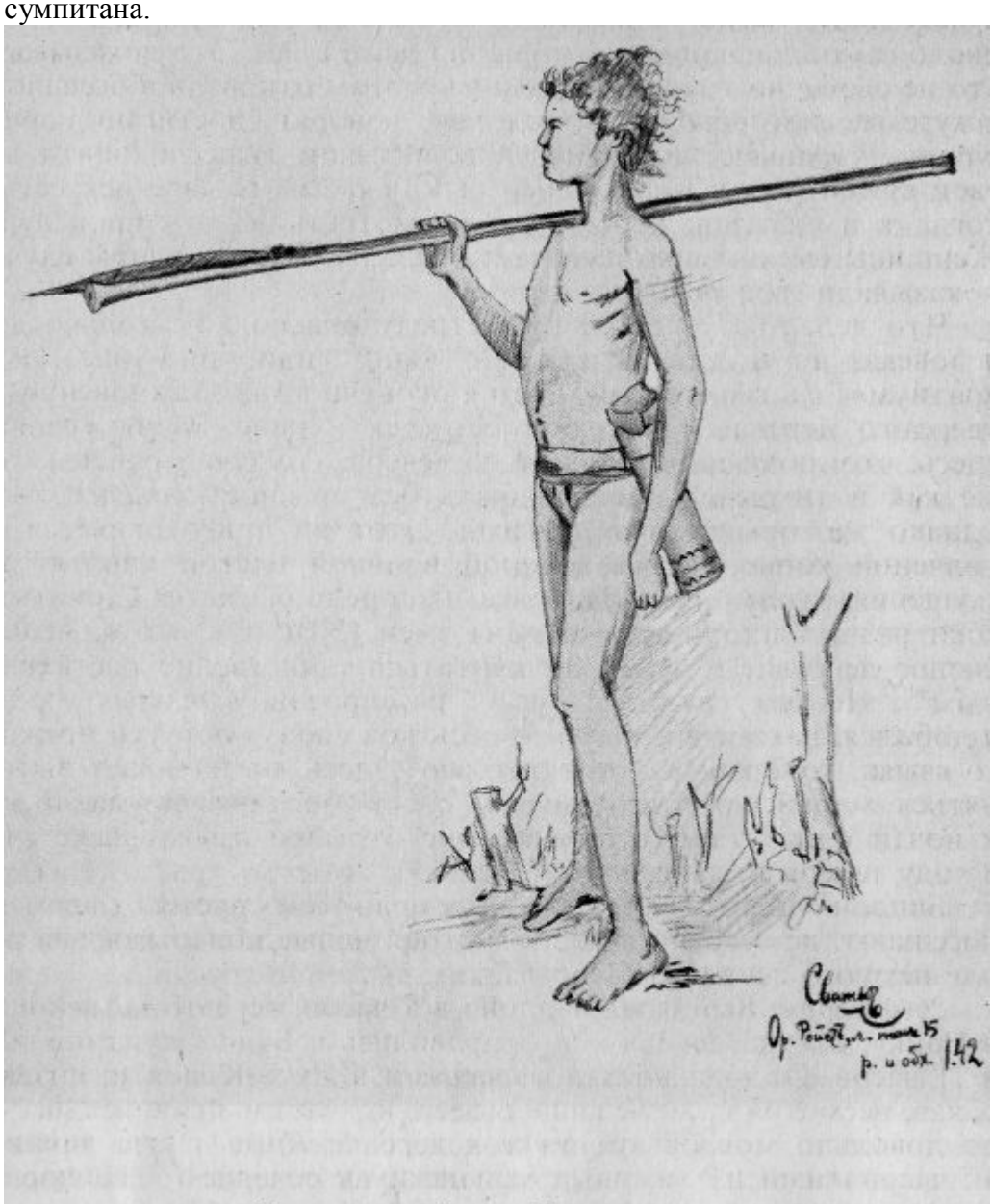
Я решил остаться здесь дня два. Одну из хижин вычистили, и я поместился в ней довольно удобно, завесив стороны одеялами, которые образовали стены. Но перед этим я собрал все население, чтобы разглядеть их попристальнее. У многих физиономии не отличались от лиц сопровождавших меня малайцев из Палонга, так что я не мог с уверенностью отличать их[56]. Но были, однако же, черты как бы чужой примеси. Это сходство с малайцами можно объяснить смешением с давнишних пор, отчасти же, что мне кажется положительно, так это то, что не оран-якун похожи на малайцев, что, имея матерей оран-якун, малайцы приобрели здесь некоторые черты первых, что обе стороны похожи отчасти.

Вечером, гуляя около хижины, я наткнулся неожиданно на человека очень небольшого роста, с очень толстым брюхом, пухлой физиономией, жидкими ногами, который палкой рыл землю и собирал что-то в кокосовую скорлупу. Приметя, что я его увидел и подхожу к нему, он сперва намеревался бежать, но когда я ему повторил несколько раз "дянган такут"[26]* и "каси тамбаку"[27]*, он продолжал свое занятие, но не смел поднять глаз, боялся оглянуться, чтобы не видеть меня, и заметно трясся. На другой день я не без труда добился, чтобы срисовать его, но табак и терпение помогли, но он не решался смотреть на меня, постоянно отворачивался. Таких, особенно трусливых, малайцы называют оран-лиар[28]*. Я встречал их потом несколько раз.

Вечером, когда стемнело, начались крик детей, смех и говор женщин, очень немузыкальное пение мужчин, даже музыка на инструменте, состоящем из толстого бамбука с отверстиями и несколькими натянутыми струнами из ротанга (обыкновенно трех)[57].

25 декабря[29]*. Утром к рассвету очень свежо, так что мне жаль было смотреть на голых детей, которые дрожали от холода и жались к матери, у которой не было другого покрова, как тонкий старый саронг. Стен нет, в полу громадные щели между бревнами. У детей оставляют на затылке род косички. Некоторые дети положительно не некрасивы лицом, также между взрослых попадаются довольно приятные физиономии, как, например, Сватн.

У оран-райет интересное оружие -- *сумпитан,* или, на их языке, *блахан.* Блахан представляет трубкообразную палку метра 2 длины, которая состоит из двух половин, связанных обмотанным ротангом, и которая обмазана гытой[58]. Стрелы, см в 20, очень тонкие, нижний конец которых снабжен родом пробки из сердцевины какого-то дерева. Этот толстый наконечник приблизительно обрезается ножом, еще полируется с помощью сухого шероховатого листа, причем оконечность стрелы держат между вдвое сложенным листом, стрелу же быстро катают, положив ее на ляжку, ладонью. Надо, чтобы наконечник плотно бы приходился в канал сумпитана.



Свати, оран-райет лет 15, с сумпитаном

Вложив стрелу в сумпитан, берут его обеими руками, широкий конец подносят к губам, затем, медленно поднимая другой конец и направив на цель, быстро выдувают стрелу. Она долетает до цели, отдаленной даже более чем на 50 шагов, может достигнуть даже 80 шагов. Но ветер при легкости стрелы мешает точности. Шагов на 20--25 туземцы всегда почти попадают в небольшую цель. Попробовав в первый раз, я 2 раза попал около самой цели, а в третий попал даже в нее. Это доказывает, что не особенно трудно достигнуть в этом отношении большого искусства, которого действительно, говорят, достигают оран-райет. Туземцы с видимым удовольствием вынесли почти все свои сумпитаны и стали наперерыв

показывать свое искусство, когда я им сказал, что желаю посмотреть на эту процедуру. Женщины смехом при неудаче и похвалами в противном случае доказывали свое участие.

Что делает эту небольшую стрелу опасною не только для человека, но и для тигра,-- это "ипо", или "ипо-упас", или "ратиум"[59], в который окунается оконечность, обыкновенно из твердого дерева, и который остается в ране. Меня уверяли здесь, что люди не доживают до вечера, будучи ранены, так же как и тигры. Яд может быть без опасности съеден, что, однако же, отвергается другими. Этот яд приготовляется из толченой коры дерева, которой водяной настой кипятят до сгущения, затем прибавляют все, что предполагается ядовитым: соки разных плодов, даже зубы змеи (NB), так что яд имеет разное действие и не может считаться единственно растительным[60]. Не без труда и долгих расспросов у разных людей я добился, наконец, несколько десятков слов -- остатки прежнего языка, который еще употребляют здесь, но начинает вытесняться малайским; дети между собой болтают по-малайски, и почти одни старики помнят еще отрывки языка, даже счет в ходу теперь малайский[61].

Бандон -- одно из мест, которые оран-райет время от времени посещают, не оставаясь долго и строя новые пондо каждый раз или немного исправляя старые[62].

26 декабря. Выйдя из Бандона в 7 часов, через 1 час пришли в Нанку, откуда, выйдя в 9, отправились в Будян, куда пришли в 11 часов. Отсюда послал за вещами в Лубу-Копон и, позавтракав, несмотря на нежелание людей, в 2 часа направился на NO по довольно мокрой тропинке к деревне *Круень,* куда пришел в 5 часов и нашел 3 хижины с малайским населением. На дороге много следов тигров и слонов.

27 декабря. Из Круень опять на NO по очень мокрой дороге, которая, наконец, привела к совершенно залитой поляне, где вода доходила мне до пояса; люди же, не принимая, как я, предосторожности, окунались до ключиц. Пришли, наконец, к р. Гбан. Я позавтракал сухим рисом и, переходя небольшую речку Гбан на скользском стволе, который состоял мостом, потерял равновесие и выкупался, после чего явился пароксизм, но я продолжал путь до р. Канас, через которую переправился на живо связанном плоту, который буксировали люди. Потом вверх по р. Кратон, к хижине.

28 декабря. Кратон. После трудного дня остался, особенно вследствие лихорадки, здесь. Местность живописна[64], хотя хижина очень убогая. Что и как далее -- не знаю. Кратон -- приток р. Румпен, который, однако же, течет по Пахану. Я направлюсь завтра вверх по течению к селению оран-утан[65].

Кратон. Декабрь 1874 г.

29 декабря. Пирога, в которой провел весь день, была хотя снабжена крышей из кадьяна, очень мала; кроме того, нас было 8 человек в ней; при перемещении, даже незначительном, одного вода вливалась, так как борт еле-еле поднимался от уровня воды. Речка была очень красива. Группы деревьев очень живописны.

Около 3 часов подъехали мы к небольшому селению оран-утан. Я вышел из пироги и подошел к хижине, в которой работал человек с очень малайской физиономией, хотя и был оран-утан. Затем я прошел к другой хижине, которая состояла только из трех стен. Здесь помещалась целая семья, все с физиономиями, в которых я не нашел ничего особенного, только девушка которая сидела на платформе, была даже недурна для строгого критика. Мужчины были голы, только penis был закрыт, волосы и testicula выступали. Мне сказали, что, исключая этих экземпляров оран-утан, в настоящую минуту никого нет. Я решил отправиться далее, и мы прибыли сюда, где живет племянник помулу, человек, хорошо знающий окрестную местность и которого я решил ждать.

Между порубленными и сухими обгорелыми стволами были построены 3 или 4 хижины. Одну из них сейчас же уступили мне; дети и женщины перетащили весь хлам в соседнюю. Пришла пирога с двумя женщинами и девочками. Одна из них кинулась мне в глаза своей курчавою головою, ей было лет двенадцать. Когда с веслом в руках, в саронге, который узко обхватывал среднюю часть туловища, она шла по стволу срубленного дерева, она показалась мне очень грациозным созданием. Я пожелал нарисовать ее портрет, тем более что ее вьющиеся волосы делали из её физиономии особенный тип. Но она стыдилась, боялась, одним словом, не хотела прийти к занимаемой мною хижине. Это происходит, как мне кажется, оттого, что мужчины обращают внимание (в половом отношении) на очень молодых девочек, так что, если посмотреть немного пристальнее на 11--10-

летнюю девочку, она стыдится, убегает, как бы боится, что ее хотят изнасиловать, или же сама заигрывает[66].

30--31 декабря. Проспав очень хорошо ночь, я должен был прождать почти до восьми с половиной часов приезда племянника помулу *Абдул-Рахмана*[30]*, который должен служить проводником далее. Новости, которые этот последний привез, не особенно понравились мне: дороги все залиты и приходится проходить места, где вода выше пояса. В двух пирогах, так как моя свита прибавилась несколькими людьми, отправились мы вверх по речке Кратон, которая по временам была очень живописна благодаря группам деревьев. Затем -- по очень извилистому узкому притоку ее, *р. Джекати;* так как во многих местах речка была запружена повалившимися деревьями, под которыми надо было проезжать, то пришлось снять кадьяновую крышу. Часто приходилось, проезжая под таким деревом, почти ложиться в пироге или же, перелезая через ствол, пропускать пирогу одну под ним или даже, когда ствол был отчасти в воде, вытаскивать и тащить пирогу через него. При этом наблюдать и записывать направление и сидеть очень неудобно на вещах постоянно в одном положении, соблюдая равновесие.

К часу пополудни я очень устал и, приказав причалить к берегу в тенистом месте, сейчас же заснул. Я был разбужен другою пирогой, которая, хотя[31]* отправилась в путь позже нас, но, будучи легче, обогнала нас. Мы последовали за нею, и около 4 часов моя пирога остановилась около двух других в месте, где находится становище оран-утан. Абдул-Рахман отправился вперед, чтобы люди, испуганные моим внезапным появлением, не разбежались бы. Около 2 хижин я увидел несколько некрасивых, почти совсем голых людей, между которыми один, одетый по-малайски, был представлен мне как батен (начальник)[67]. В большой хижине, которая принадлежала ему, мне отгородили значительное пространство, и скоро принесли вещи[32]*, сделали при нем довольно удобное помещение. Я сейчас же приказал, чтобы собрать завтра по возможности большее число оран-утан.

Я начал с того, что осведомился, есть ли у них особый язык, и начал спрашивать слова. К большой моей досаде, мне отвечали по-малайски и повторяли мои слова. Я спросил многих, стал прислушиваться к их взаимному разговору -- один малайский язык, старый забыт. Мне, однако, сказали, наконец, что, может быть, некоторые старые люди и знают, также сообщили, что оран-букит[33]*, которые прячутся от других, не едят соли и риса, говорят отлично. Здешние оран-утан находятся постоянно в сношениях с малайцами и даже некоторые имеют плантации, хотя отвергают магометанство, и большинство мужчин предпочитает свой простой и удобный костюм.

Малайцы — помулу Хусейн и его племянник Абдул-Рахман (Абдуррахман)

Вечером около моей комнаты собралось один за другим почти все мужское население. Я снова завел разговор об языке, яде и дороге в Иохор-Бару. Здесь живет уже несколько лет китаец-плантатор, который был очень любезен относительно меня, принес мне курицу, банан; он уверяет, что мне предстоит еще путешествовать около 20 дней. Что касается яда для стрел, то он приготовляется из кипяченого до сгущения настоя коры дерева ринги[34]*, к которому прибавляют еще варан и зерна лемон нитис[35]*. Раненый человек не живет более нескольких часов; съеденный яд действует смертельно в тот же день. Яд может быть сохранен несколько лет.

Общий тип лица у этих людей не отличается от малайского; не зная, что это так называемые оран-утан, я бы не подумал, что нахожусь между другим населением. Толстые губы, широкий нос, часто курчавые волосы, вообще[36]* грубые черты лица,

особенно же их неимение костюма отличают их от малайцев, но до сих пор я не встретил ни одно лицо с особенным типом.

Странное дело: я не знаю, завтра или послезавтра Новый год.

Вот результаты измерений, которые я делал при многочисленном собрании и на открытом воздухе.

		Лет	Ширина головы, см	Длина головы, см	Рост м>	Обхват см
♂ 1.	Послами	40[6S]	14,5	18,7	1,56	158
2.	Покето	30	15,0	18,4	1,53	158
3.	Побуда	55	15,0	17,7	1,48	
4.	Унга	22	14,5	17,8	1,44	
5.	Ланса	35	15,0	18,6	1,44	
6.	♂лет 40	40	14,7	18,0	1,46	
7.	Комень	40	14,0	18,4	1,53	153
8.	♂лет 30	30	14,3	18,0	1,52	155
9.	Магынта	20	14,5	17,5	1,41	138
10.)	Асар	19[69]	15,5	17,7	1,41	140[70]

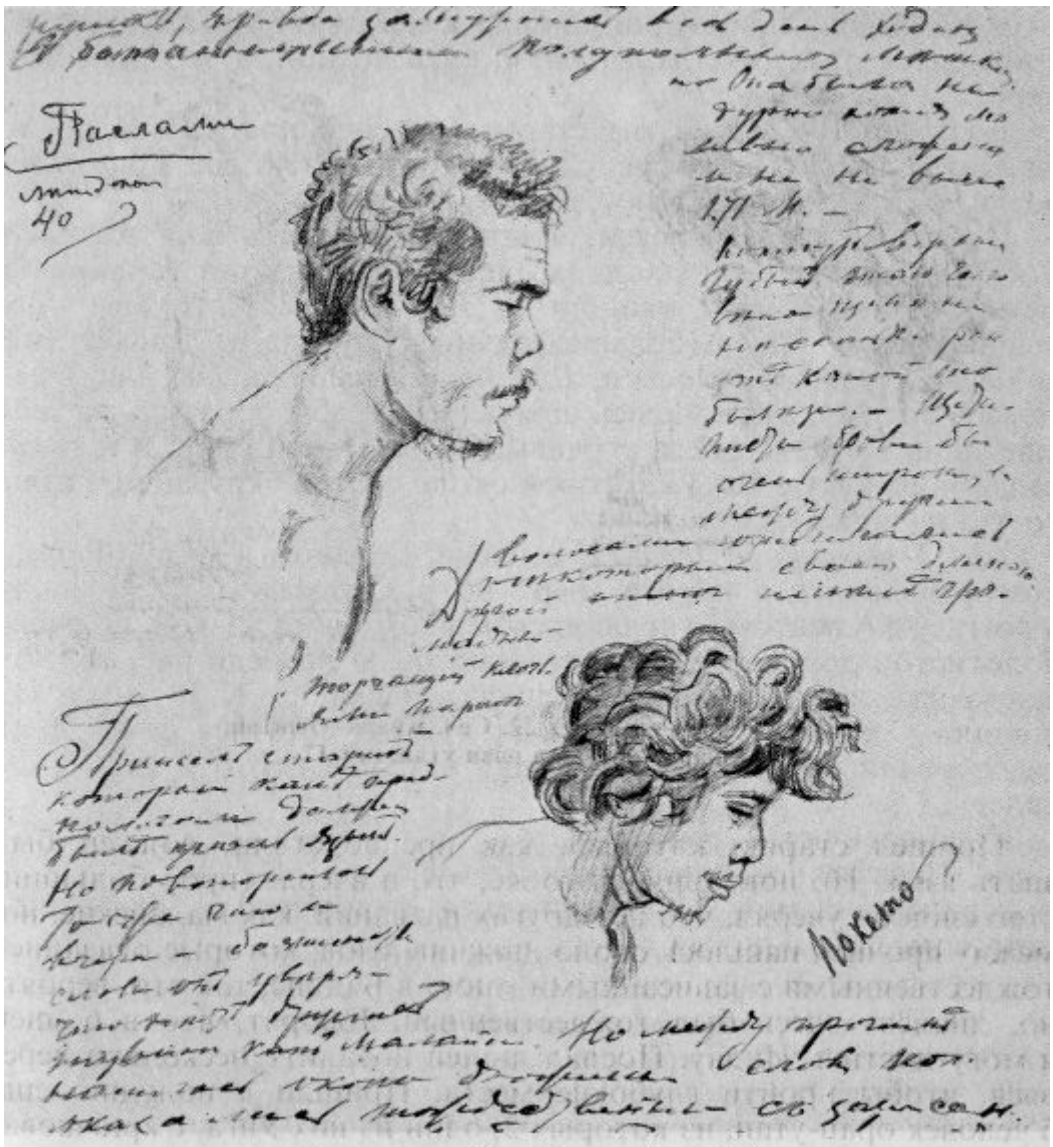
NB: Посмотреть сверху, голова совершенно овальная. Нет париентального расширения, она шире всего около ушей. Индекс ширины -- между 76--82. Встречаются носы с горбом -- Унга[71].

Нарисовал двух оран-утан, которые еще более несколько отличались от других. Ашар очень стыдилась показать мне свою грудь, между тем как большинство других, правда замужних, весь день ходили с болтающимися полуполными мешками. Она была недурна, хотя массивно сложена и не выше 1,41 м.

Щетинистые брови <Послами> были очень широки, и между другими волосами отличались некоторые своею длиной. Другой <Покето>[37]* имел громадный, торчащий клочьями парик.

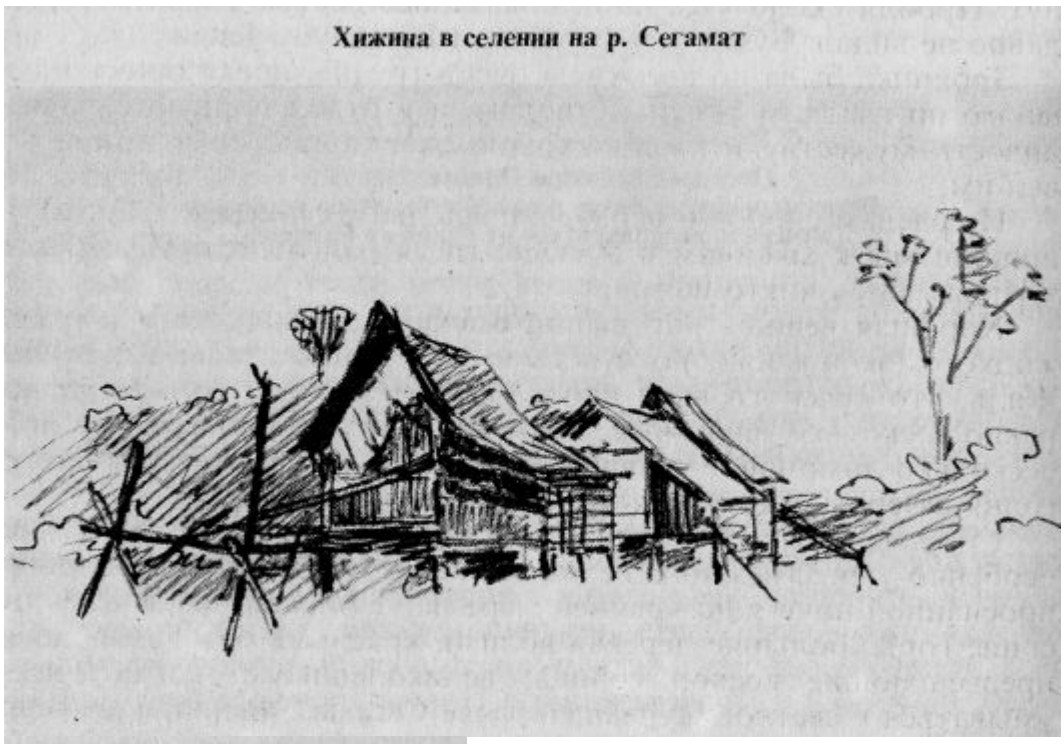
Пришел старик, который, как предполагали, должен был знать язык. Но повторилось то же, что и вчера: про большинство слов он уверял, что нет других названий, как малайские, но, между прочим, нашлось около дюжины слов, которые оказались тождественными с записанными мною в Бадоне, так что, вероятно, диалект здесь был тождественный. Говорят, что в 6 дней я могу достичь Индау. Послал людей повалить несколько деревьев, чтобы пройти глубокие места. Пришли к полудню еще 6 человек оран-утан, из которых 2, один из них Унга, с крючковатым носом. Все -- с курчавыми волосами.

Унга — оран-утан, лет 22. Сел. Квала-Мынтай;
Ашар — девушка оран-утан, лет 17



Послами, лет 40, и Покето ⟨лет 30⟩.
Вверху справа: «Контур верхней губы этого человека изменили несколько ран от какой-то болезни»

<1--*2 января 1875 г.>*[72] *Квала*[38]*, *Минтай, Дукун.* Когда я и мои люди были уже в пирогах, оказалось, что оран-утан, которые должны были нести вещи и прорубать дорогу, боясь работы, разбежались. Пришлось послать батена и помулу за ними. Им даже грозили, что я так рассержусь, что убью их, чтобы принудить их. Пришло человек шесть. Батен -- начальник, молодой, низкого роста якун с приятною физиономиею, шел впереди, прорубая во многих местах тропинку, строил примитивные мосты через многочисленные ручьи. Тропинка, хотя приходилось шагать и лазить через много поваленных стволов, не была слишком утомительна, так что я, почти не усталый, пришел к 4 часам к хижине, в которой 4 или 5 малайцев из Иохор-Бару жили временно, занимаясь резанием ротанга. Хижина была на сваях, но не имела стен, только с одной стороны крыша опускалась до пола. Даже и пол был так шаток, что я должен был приказать моим людям подставить несколько подставок, прежде чем устроить мою постель. Чтобы, имея постоянно лихорадку, несколько избегнуть ночью ветра, который свободно мог гулять в этом жилье без стен, я устроил себе низкую палатку из моих непромокаемых одеял, что было очень кстати, потому что вечером у меня был пароксизм. В лесу, где мы проходили, много следов слона.



Хижина в селении на р. Сегамат

Ега, около 9 лет

<5 января. По дороге> к р. Сегамат. Выпил мою последнюю чашку кофе и открыл последний ящик бисквит. Дорога, как и вчера, очень изрядная, хотя стволов поваленных и ручьев много, но так как уже 7 дней здесь не было дождя, то тропинка суха. Мог дорогою без неудобств и приключений думать не только о ней, но и об 4-й экспедиции в Новую Гвинею с братом Владимиром.

В 12 часов пополудни пришли к селению на р. Сегамат, но приходится отложить дальнейший путь до завтра за неимением пирог.

Большинство хижин так стары и скверно построены, что из опасения, чтобы ветер не сдул бы их, почти все привязаны ротангом к крепким кольям, вбитым в землю.

Отдохнув и позавтракав, я приказал созвать всех жителей. Собрались мужчины, женщины, дети. Рост мужчин варьировал между 1,53--1,62 м, женщин -- 1,30--1,40 м[73]. Головы у большинства оказались брахицефальны[39]*. Одна из девочек имела очень курчавые волосы и, хотя была очень недурна или, быть может, потому,

закрывалась, пряталась, чтобы обратить на себя внимание. Ее мать имела курчавые волосы; отец умер. Я нарисовал хорошенькую Егу, у которой около сосков окружность только что начинала вспухать[74].

<3--4 января>. В Тенан. С вещами, Сананом и Абдул-Рахманом отправился в пироге вверх по р. Сегамат, мои же люди и помулу с Ахматом отправились пешком более низкой, но очень болотистой дорогой. Они постоянно были впереди нас, так как множество извилин речки замедляло плавание. К 12 часам мы пришли к хижине, где мои люди думали остаться ночь. Я их разочаровал, сказав, что день еще не кончен, что я хочу идти дальше.

-- Людей нет! -- говорят.

-- Позвать денан (начальник)![75]

Явился на мой зов старикашка с визгливым, плачущим голоском.

-- Можно ли в пироге отправиться в Тенан?-- спросил я.

-- Нельзя -- камни, пороги!-- ответ.

-- Сколько времени идти до Тенана?

-- Далеко, целый день ходьбы.

-- Хочу отправиться еще сегодня туда!

-- Не дойдем! -- завопили люди.

-- Будем спать в лесу. Есть люди?-- спросил я снова денан.

-- Нет, ушли в лес.

-- Позвать!

-- Не знаю, где искать.

-- Умеешь читать?

-- Нет!

Я сказал Абдул-Рахману прочитать ему письмо махарадьи.

Прочли письмо.

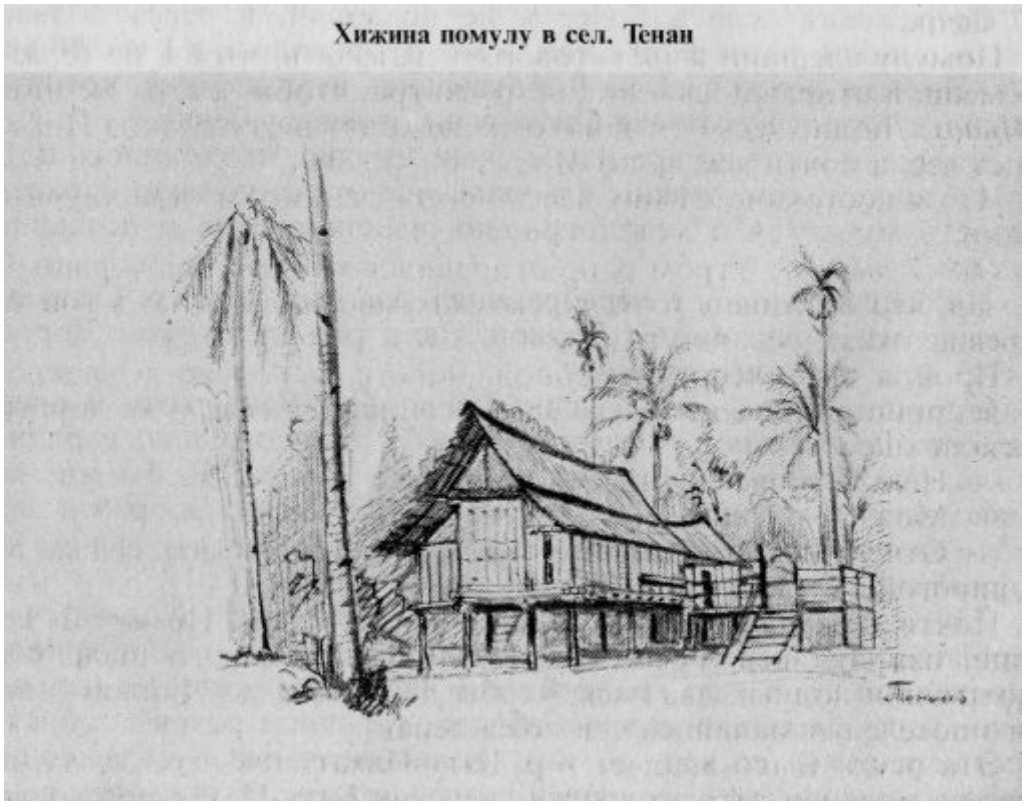
-- Слышал?! Если через час не будет достаточно людей нести мои вещи в Тенан, я очень буду сердит, и когда скажу об этом махарадье, то и он рассердится. Теперь ступай и зови людей.

Возражения делать более я не позволил, и через полчаса явились люди, разобрали вещи, и мы отправились в 1 час 30 минут. Пройдя около часа на О, показались первые горы, которых давно не видал: Букит-улу-Сегамат и Букит-улу-Тенан[76].

Тропинка была по временам очень трудна, приходилось идти много по гладким тонким стволам, и я отдал полную справедливость мужеству и хладнокровию эквилибристов и позавидовал им.

По следам слонов и перебравшись два раза через р. Сегамат, пришли мы к хижинам в 5 часов, где я рад отдохнуть. Дороги в Индау здесь никто не знает.

Хорошая вещь -- чай; выпил сейчас 4 стакана, хотя и очень жидкого (экономия!), но чувствую себя положительно изрядно! Жаль, что красного вина нет и бисквит мало, а то бы мне все равно несколько дней более в этой глуши. Ахмат собрал в лесу несколько лимонов -- удачная находка. Я воспользовался ею сегодня вечером, налившись 4 стаканами чая.



<*5 января*>. Из Понтон в Тенан. Понтон -- красивое местечко, особенно утром немного перед восходом солнца. После хорошо проспанной ночи я по крайней мере нашел окрестностей дальние синие горы, большие деревья вблизи, красивые розовые облака, предвещающие восход солнца, великолепными, когда сошел умываться к светлой журчащей речке Сегамат. К половине седьмого все было готово, и я отправился все время на S и SO в Тенан, куда пришел к 10 часам. Пришлось переправляться через несколько речек и подняться на несколько холмов (из которых самый высокий не был выше 200 футов). Помулу сказал мне дорогою, что, если я позволю, он из Тенана, найдя мне людей для дальнейшего пути, хочет вернуться в Палон, где его дети ждут. Я согласился, так как он далее никогда не был и не знает дороги. Я ему обещал прислать подарки и письмо. Этот человек, хотя немного слишком мягкий и нерешительный, был мне довольно полезен и всегда услужлив. Его племянник, хотя не моложе его, человек, как кажется, с характером, что даже выражается в его физиономии. Он, как мне показалось, очень даже способен достичь образования и был способен в молодости.

Первая малайская довольно хорошо построенная хижина, которую встретил, начиная от Лингу. Помулу нет, послал 3 человек искать и позвать его, так как завтра рано хочу далее. Его жена --молоденькая женщина -- уступила мне самую чистую часть дома, род галереи с небольшим окном, которого стороны довольно красиво вырезаны, как в арабских домах. Хижина построена из очень различного материала: крыша из *атап* и гомуту[77], стены отчасти из расщепленного и сплетенного бамбука, отчасти из *коры,* и только столбы, сваи и перекладины -- из дерева. Пол, как обыкновенно, из расщепленного бамбука. Седлообразно вогнутая крыша, узкие, украшенные орнаментом окна -- характеристичны.

Вдали на S и SO виднеются горы -- иду рисовать вид. Пришел, наконец, помулу. Он и никто из здешних не был в Индау. Людям очень понравилось, что я срисовал это окно.

Вечером оба помулу, селения Тенан и Абдул-Рахман, пришли говорить со мною. Последний рассказал мне об оран-сакай[78] и удай[79] в Пахан. Этих людей очень боятся малайцы, потому что они отделываются от любопытства и сношения с малайцами ядовитыми стрелами. Говорят, они очень дики, не едят соли и риса,

имеют громадные (!) ступни и курчавые волосы. Помулу Хаджи-Бакар, бывший в Мекке, Египте и даже в Судане, много говорил о своем знакомстве со светом и могуществе султана турецкого, который побил русских и которого все белые люди боятся.

Отправился к горячим ключам, которые находятся в речке посереди большой поляны, где анероид показал выше 0. Посредине поднимался пар, и только по краям, где температура была 45--50°, можно еще было ходить. Помулу попросил позволения послать вместо него сына со мною. Отправились. За завтраком у речки этот человек и другие люди сказали мне, что не дойдем до Быко, проведем ночь в Лине. Я им отвечал на это, что мы "должны" дойти до Быко и что я это хочу! Встал и отправился скорым шагом вперед. Ахмат, несмотря на ноги, которые...[40]* отлично шел вперед. Почти не останавливаясь, пришли в 4 часа в Лине, которое, также не останавливаясь, прошли. Темнота захватила нас в лесу, и я под конец, сделав в этот день двенадцать часов, был рад дойти до хижин, куда мы пришли в 7 часов.

Помулу здешний живет, говорят, далеко, и, чтобы не терять времени, я отправлюсь сам к нему завтра, чтобы завтра же идти в *Индау.* Люди здесь почти никогда не ходят ни туда, ни в Йохор через лес, а почти всегда по *Моа.*

Что я постоянно слышу здесь: "дяу" (далеко) и "тра тау" (не знаю).

<6--7 января.> Утром рано отправился к *денану* (начальнику). Думал, что он живет, хотя далеко, как мне сказали, но в той же деревне; оказалось, что в другой.

Пройдя по очень неудобной дороге, по пояс в мокрой траве, пришли к речке Быко. Здесь начинается еще хуже дорога, сказали мне.

-- Нельзя разве спуститься по речке?

-- Можно.

-- Отчего никто мне ранее это не сказал? Послать сейчас же за пирогой!

Почти через три четверти часа явилась она. Поместив все вещи, отправились. Речка очень извилиста и много пней. Мы употребили полных два часа, чтобы добраться до Дянлон -- нового поселения малайцев -- и дома денан.

Эта речка Быко впадает в р. Бату-Пахат, так что, спускаясь вниз по течению, можно достичь деревни Бату-Пахат при впадении реки в южное море в три или четыре дня; подняться же надо употребить около шести.

Меня уже ожидали, так как я утром, ранее чем отправиться, послал к денану извещение о моем приходе. Малаец, лет около 45, с немного вьющимися волосами и интеллигентною физиономиею, встретил меня и предложил войти в его вновь строящийся дом.

Я сейчас же приступил к делу, т. е. сказал, что я от него хочу, и расспросил о дороге. На все получил удовлетворительные ответы; только денан желал отправиться в путь завтра, чтобы собрать людей.

Письма махарадьи никто не сумел прочесть; удовлетворились все, посмотрев на большую печать, служащую здесь, как почти везде на Востоке, как подпись.

Отгородили мое помещение в чистой новой хижине денана, и я был доволен лечь, так как вчерашняя усиленная ходьба с мокрыми ногами, сегодня прогулка в мокрой траве были причиною пароксизма, которого приближение я чувствовал уже дорогою. Отправляясь полежать, я сказал денану собрать людей оран-утан к 2 часам. К этому времени оказались несколько человек, но батен (начальник оран-утан), посланный за людьми, еще не пришел.

Я начал записывать слова, но это было нелегко. Они повторяли по большей части малайские слова, но между ними оказались несколько других слов, схожих с уже записанными словами оран-райет. Они как бы стыдились иметь свой язык или как бы боялись говорить их.

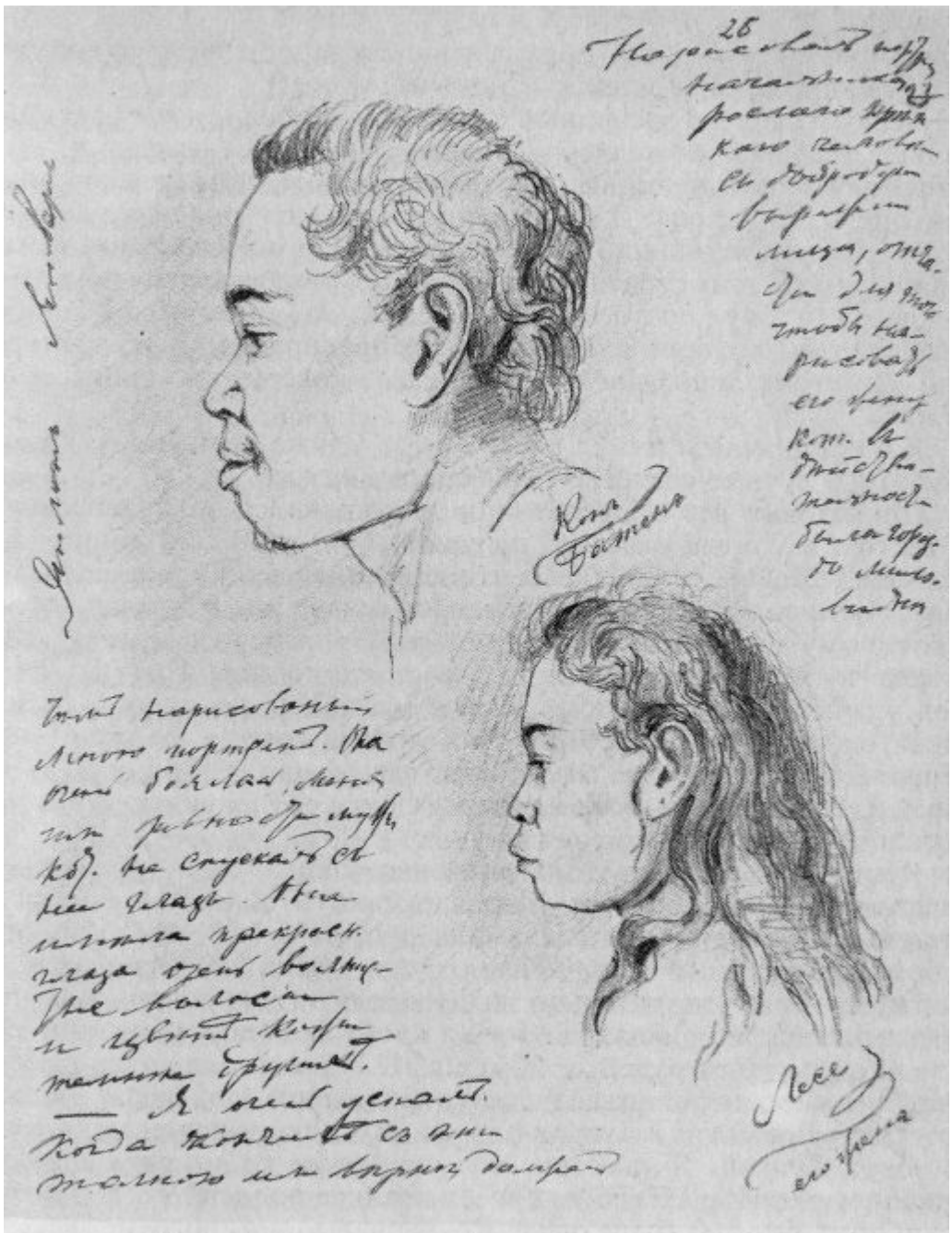
Через часа полтора пришла целая толпа людей, особенно много женщин. Малость роста и курчавость волос некоторых бросились мне в глаза. Немалое число людей имели курчавые волосы, которые заставили меня думать о папуасской смеси. Особенно одна старуха напомнила мне волоса женщин, которых я видел в Кильвару. Волос во всю длину был волнист. Волосы представляли многочисленные локоны (т. е. волос образовывал несколько колец). Некоторые же имели совсем малайские волосы. Так как все делалось публично и, кроме того, люди измеряемые очень трусили, пришлось удовлетвориться немногими измерениями. Вот результат:[41]*

Нарисовал портрет начальника, рослого, крепкого человека с добродушным выражением лица, отчасти для того, чтобы нарисовать его жену, которая в действительности была гораздо миловиднее, чем нарисованный мною портрет[82]. Она очень боялась меня или ревности мужа, который не спускал с нее глаз. Она имела прекрасные глаза, очень волнистые волосы и цвет кожи темнее других. Я очень устал, когда кончил работу с этою толпою или, вернее, должен был кончить вследствие наступления вечера. День не прошел даром. Я начинаю убеждаться в необходимости принять *примесь* папуасской крови, идею, к которой я относился очень критически. Вечером узнал еще положительно факт, который объясняет сходство физиономий между оран-утан и малайцами: не оран-утан схожи с малайцами, а малайцы заимствовали много черт (курчавые волосы, толстые губы, широкий нос) у оран-утан. Браки между малайцами и женщинами оран-утан часты здесь и в *Пахан,* хотя в Йохоре меня уверяли, что это не встречается. Но уверяют здесь, что противные браки (♂ оран-утан, ♀малайка) не встречаются. Басню о громадных ногах оран-удай или оран-сакай в Пахан я слышал опять, но мне и здесь сказали, что не видели людей, а только отпечатки их ступней.

Диапа, денан Улу-Быко[42]* в Дянлон, очень хлопотал весь день, и я думал найти в нем хорошего проводника до Индау, но он попросил меня взять вместо него его родственника Баду, который знает путь и которым я останусь доволен.

Отправились немного [...][43]*

Поль и Самбут (14 1/2 лет) — девочки оран-утан



Кон — батен («начальник») оран-утан и его жена Лесе.
Сел. Янлон

<8 января> Леба, хижина оран-лиар при свете дамарового факела. Утром в Янлон[44]* я записал впечатления, и когда, напившись чаю, я был готов в путь, было уже половина восьмого. Денан очень хлопотал, и крику было столько, как бы громадный караван отправлялся в путь. Около Янлон, как обыкновенно около всех поселений, дорога была очень и очень неудобна.

Около 20 минут пришлось идти по стволам поваленных деревьев, из которых многие были[45]* обгорелые, гнилые, скользкие, тонкие. Приходилось карабкаться, балансировать, прыгать, часто почти что падать и не смотреть по сторонам. Вошли в лес; тропинок много, но настоящих нет. Пришлось во многих местах прорубать чащу. Наш караван разбрелся, и несмотря на крик и хлопоты денана, многое недоставало; как, например, я приказал, чтоб было бы два, по крайней мере один человек без ноши, с одним парангом[83] прорубать дорогу и заботиться о переправах через речки, ручьи, болота. Такого не было. Один из носильщиков по приказанию

начальника моих людей Баду не пряча, на виду оставил ношу на тропинке[46]* и отправился вперед. В 11 часов я расположился завтракать.

Баду сказал мне, что мы не дойдем до Леба, что придется спать в лесу. Я не имел причины не согласиться, прибавил, что хочу спать где-нибудь на холме, а не в болоте и чтобы люди построили бы мне род высоких нар, на которых под моим каучуковым одеялом вместо крыши и покрытый моим толстым одеялом был уверен, что проведу отлично ночь. Тропинки определенной не было, как я уже сказал, приходилось только соблюдать направление на S и SOO. Я шел не очень скоро, но люди постоянно отставали. Все они, за исключением Баду и другого человека, были оран-утан, очень малы ростом, около 1,48--1,52 м, темны кожею, были хорошо сложены и по росту сильны, но ноши были значительны; почти каждый нес двойную ношу против того, что несли малайцы из Палон.

Около 1 часа пришли к месту около большого дерева, где мои спутники предложили остановиться для ночлега. Я сказал им на это, что если найдем подобное место через три часа, я останусь. Пошли опять вперед, все вразброд, так как тропинки не было, и как только кто отставал, ему самому приходилось искать дорогу. Около 3 часов мне сказали, что мы недалеко от жилья. Очень большое число ловушек для мелких животных встречалось почти на каждом шагу.

Было только что 4 часа, когда мы пришли к большому открытому месту с поваленными деревьями, где виднелись банановые деревья и две-три крыши. Опять пришлось путешествовать по стволам. Первая хижина оказалась совсем пустою. Направились к другой. На полдороге мои спутники предложили мне подождать немного, потому что здесь живут оран-лиар (дикие, избегающие сношений с другими людьми) и что если я покажусь первый, они постараются убежать. Я согласился и, опереженный моими людьми, приблизился, наконец, к хижине, где мои люди, уже сложив ноши, грызли и жевали сахарный тростник. На мой вопрос, есть ли люди, мне показали на перегородку (небольшая комната была отделена перегородкою). Вошед, я увидел группу сидящих, прижавшихся один к другому людей; все лица были или закрыты, или обращены к стене. Группа состояла из трех женщин и пяти детей.

Несмотря на их очевидный страх, я подошел к ним. Они еще больше ежились и жались. "Дянган такут"[47]*,-- сказал я, обращаясь к одной женщине. Испуганная, дрожащим голосом она повторила мои слова. Я сказал еще что-то, что она тоже повторила. Другая женщина -- то же самое. Но наблюдение этого странного влияния страха было прервано, увидав между другими головами голову с *папуасскими* волосами. Это было неожиданное открытие, но которое я желал найти, предпринимая эту экскурсию. Действительно, посмотрев ближе,-- совершенно папуасские волосы.

Я с нетерпением желал рассмотреть ближе этот индивидуум. Для этого лучшее средство -- рисовать портрет.

Приготовив все к рисованию, я отправился за интересным объектом, который оказался недурненькою молодою женщиной лет менее 20. Она так боялась, что не решилась встать и, оглядываясь пугливо на нас, отворачивалась сейчас же. Я позвал Баду, к которому она сейчас же прижалась. Прижавшись к нему, она встала и дошла до места, где я ее нарисовал. Портрет вышел удачным. Она немного темнее малайцев, но волосы очень характеристичны. Ее ребенок так кричал, что я должен был отправить его к другим женщинам, где он продолжал свой концерт. Ее муж, как и остальные мужчины, отправился в лес за "гутта"[48]*.

Я смерил ее голову, значительная шапка волос увеличила цифры -- 13,5; 16,7 см. Меряя ее рост и обхват, я мог разглядеть ее фигуру. Она была мала ростом -- 1,38 м, имела небольшие немного конические груди, очень широкие задние части, которые значительно выдавались, тонкие икры, волос подмышками было немало. Я

взял пробу ее волос и подарил ей, к значительной ее радости, 20 cents[49]*. На мой вопрос ее имени она очень невнятно сказала, хотя повторила два раза, слово, которое я принял за "Дунгин-ла", но спутники уверяли меня, что ее зовут Лунгин. Я заметил, что оран-утан ко многим словам прибавляют "ла". Ее ребенок имел гладкие волосы, как и другие дети; у двоих они были немного курчавы, у одного не черны, а с каштановым оттенком; дети грудные были замечательно светлы[84].

<9 января> Леба. Отсюда дороги нет. Надо отправляться далее по речке, но и пирог нет; пришлось послать за большою, могущей вместить всех нас с багажом, в соседнее селение. Сегодня при рассвете двое отправились, должны вернуться с пирогою сегодня вечером. Вчера концерт детей сильно надоел мне. Голос человеческих детей положительно неприятен! Хорошо, что я сделал портрет той женщины вчера. Сегодня с рассветом все женщины с детьми исчезли.

-- Такут![50]* -- объяснили мне мои люди.

-- Оран-лиар! -- прибавили они.-- Пиги чори макан[51]*.

Лунгин-ла — женщина оран-лиар, лет 18. Сел. Леба

Вчера и сегодня вел длинные разговоры с Баду о диких племенах Йохора. Узнал от него следующее: что оран-утан называют и называются сами оран-далам[85], что, когда вводили ислам, жители-малайцы убежали в горы и, питаясь скверно, сделались оран-утан.

Оран-лиарами оран-якун называют тех, которые не хотят входить в сношения с малайцами, но они собственно малайцы, и которые очень отличны от оран-текан[52]* или оран-панган [86], которых большое число живет в Пахан около речки этого имени. Они имеют курчавые , отличные, чем у малайцев, волосы, пробуравливают носовую перегородку (♂, ♀) и татуироваются -- делают на щеках и на теле надрезы "маен-маен"[53]* -- он прибавил. Они не едят рису, не употребляют соли, не обрабатывают почву и не строят хижин, а спят около огней. Их малайцы боятся, потому что часто они отделываются от навязчивых ядовитыми стрелами. Говорят, что у некоторых из этих племен громадные ноги. Их не видали, но видели (Баду также видел собственными глазами) следы ступней этих людей. Длина ее, по его уверению, была не короче, как от локтя до пальцев. Он мне назвал человека из деревни Инки (Пахан) -- *Чиали,* который хорошо знаком с этими всеми племенами и может служить путеводителем.

Река Текам в пятидневном расстоянии от столицы Пахан. У этих людей Текам есть обычай возвещать приближение друга, ударяя палкой по стволам.

Из Пахана можно пройти в Малакку. Целый день прождал пирогу, писал, хандрил и лежал, чувствуя себя нехорошо, хотя пароксизм был умеренный; не принял хины, потому что остается у меня один только прием, а дней 8 странствия еще впереди. Люди спали и грызли сахарный тростник.

Посланные два человека вернулись с известием, что большой пироги нет. Придется отправиться завтра в Пангут в очень маленькой. Багаж люди принесут окольными дорогами.

<10 января> Узкая, не более 1/2 м ширины пирога могла вместить только трех: меня, Банду[54]* и еще одного малайца. Надо было рассчитывать каждое движение, чтобы соблюсти равновесие. Речка была узка и очень запружена подчас повалившимися стволами, которые образовали пороги, низкие ворота, иногда высокие заборы зелени, через которые приходилось прорубать настоящие коридоры, рубя стволы, ветви лианы, и затем протаскивать пирогу через стволы, что было не очень тяжело; даже когда я оставался в ней, пирогу могли удобно перетащить оба малайца. Под стволами приходилось часто проезжать, нагибая голову до колен. На каждом шагу надо было остерегаться колючего Calamus[87] и других колючих растений. Этих удовольствий я испытывал сегодня около шести часов, одно время я думал, что они кончились, въехав в широкую речку Индау, в которую речка Леба впадала, но и она скоро разделилась во множество узких рукавов; затем еще въехали в еще более узкую речечку Ойя, на которой находилось селение Пангут. В том месте, где мы, впадает речка Леба в Индау, находится небольшой островок зелени (2 м). Это место с давнишних пор для малайцев -- бату-крамат[55]*. Что повело к этому освящению, мои спутники не умели объяснить; мне сказали, что это место уже очень давно крамат, и, проезжая, сделали салам[36]*. Большая, когда-то белая тряпка была повешена на куст, росший на островке -- жертва или знак?

Около 1 часа пополудни причалили мы к пню, у которого начиналась тропинка, которая вела к просвету в лесу. Пришлось опять карабкаться по пням и стволам, под палящим солнцем идти плантациями, т. е. по большому пространству, где между множеством обрубленных наполовину, поваленных и обгорелых, лежащих на земле стволов громадных деревьев посажены вперемежку уби-каю[57]*, бананы, калади[88], сахарный тростник. Пришли к большой, стоящей на высоких столбах хижине, где нашли несколько женщин и детей. Одна женщина и два ребенка лежали, больные лихорадкою. К большому моему удовольствию, 3 экземпляра (1 ♀ и 2 ребенка) имели несомненно курчавость папуасской смеси. Съев несколько банан и обещав лекарство больным, я отправился к другой, еще большей хижине, где нашел много людей и опять встретил людей, которых habitus указывает на давнишнюю смесь (и Rückschlag[58]*), хотя они начинают делаться или возвращаться, вследствие скрещений и принятия привычек, в малайцев.

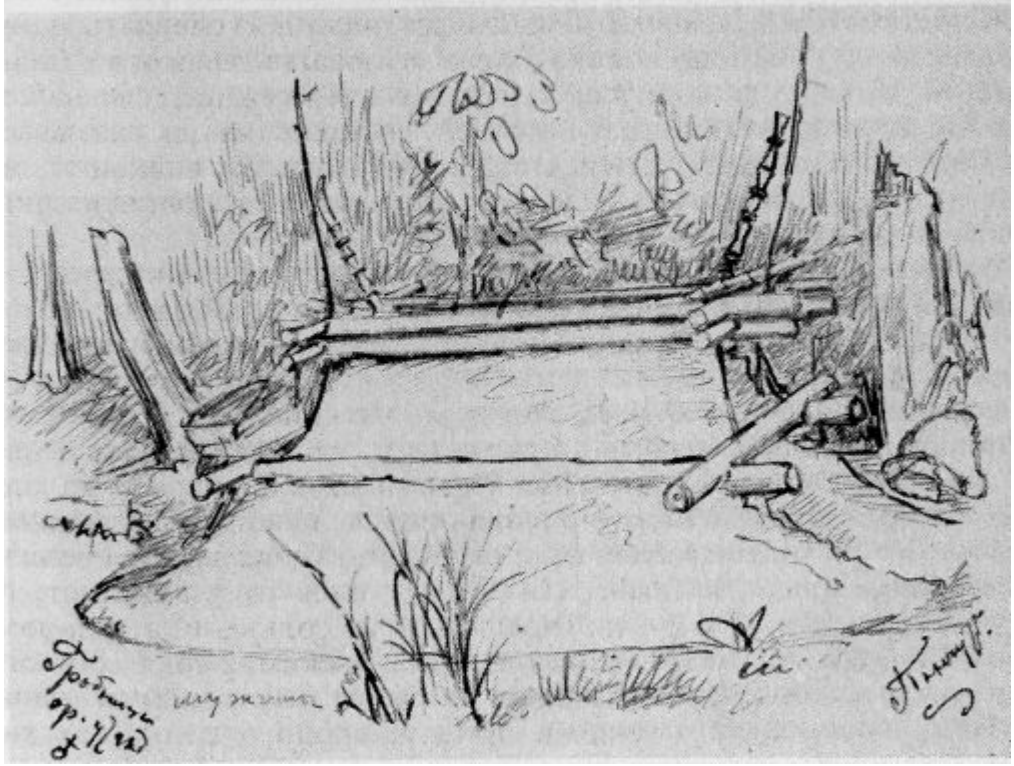
Нарисовал несколько характеристичных физиономий. В физиономиях оран-утан, особенно женщин, характеристичны вдавленность переносицы, ширина носа с открытыми ноздрями.

В хижине, где я нахожусь, живет много семейств, всего около 30 человек, помещающихся в 8 комнатах[90]. Так как люди с вещами не приходили, то я прибегнул к туземным кушаньям -- калади и уби-каю. Из последних приготовляется здешними жителями довольно вкусные или, вернее, совершенно безвкусные лепешки, которые называются "лыпес"[91]. Так как бисквит у меня нет, то я прибегнул к ним и ел их, посыпая или солью, или сахаром. Туземцы приготовляют еще род леденца, выжимая сок сахарного тростника самым примитивным образом (рычагом) и кипятя сок[92]. Мои люди с вещами пришли

около 5 часов, так как никто из них не знал дороги, которой, впрочем, в этом болоте нет.

«Хижина принадлежит 30 человекам, которые построили ее и живут в ней». Сел. Пангут

Могила мужчины в селении Пангут



<10--11 января> На это место -- окрестности Индау, хотя принадлежит Йохору в настоящее время, радья Пахана имеет претензии, которые иногда выражаются довольно энергически; так, например, месяца три тому назад люди Пахан

застрелили чиновника махарадьи в его доме. Так как еще никто его не заменил, оран-утан боятся. Торговля приостановилась и сношения между населенными местами также. Оттого мне приходится ждать здесь, не найдя здесь пироги и будучи в необходимости послать далеко в *Лундан*[59]* (хижина убитого) за нею.

Ночью дети, их визг разбудили меня. Я встал и, подойдя к открытой двери, любовался прекрасным лунным небом. На ночь лестница была из предосторожности отставлена, так что хижина, стоящая на высоких сваях, была как бы в осадном положении. Так как люди, отправившиеся за пирогой, не приходили, послал двух еще; сам, приняв остатки хины, отправился рисовать хижину, которая 19 м длины, 7 м ширины и 2 м над землею, конек отстоит на 5,5 м от земли. Средняя комната, служащая общей комнатой, не имеет стен; другие комнаты имеют стены из коры. Около хижины несколько кольев, около которых вьется сири[93]. Но около нет ни малейшей тропы. Пни и стволы делают для европейца ходьбу очень неудобною, но облегчают прогулки туземцев, которые босоногие, свободно ходят по самым высоко лежащим гладким стволам, даже почти что грудные дети следуют за матерями. В каждой комнате -- очаг, запас дров и несколько утвари -- тарелок, горшков.

Затем я отправился к могиле недавно умершего оран-утан. Гробница состояла из продолговатой срезанной четырехугольной пирамиды из глинистого песка, с рамкою из гладких нетолстых стволов. Наверху лежали два ствола тростника сахарного, в головах и в ногах воткнуты 2 нисан[60]* -- вырезанные палки, которые показывают пол погребенного. Женщинам втыкают две доски и из другого дерева. Около гробницы повешена корзина, положен сосуд для воды и подставка для дамарового факела. В головах и в ногах посажены две палки, которые уже пустили ростки. Покойника зарывают, обернутого каином[94].

Было около 11 часов, когда люди, наконец, вернулись с двумя небольшими пирогами, но не с хорошими известиями. Люди Пахан угрожают напасть на Индау, так окрестные жители разбежались. Не без громкого, серьезного разговора убедил я их, что белому туану нечего бояться раздоров малайцев, также людям, которые будут с ним. По жаре прошли мы в час пополудни к пирогам. Ничего не ев с утра, я боялся положительно солнечного удара. Пришлось еще поделиться хиною: обещал вчера -- tengo una palabra[61]*.

К 4 часам, к моему удивлению, подъехали мы к *Лондан.* Я думал, что гораздо далее. Речка, по мере того как принимала притоки, переменяла названия. Богатая растительность, освещенная солнцем, которое проникало по временам в узкий зеленый коридор, по которому мы плыли, была очень разнообразна.

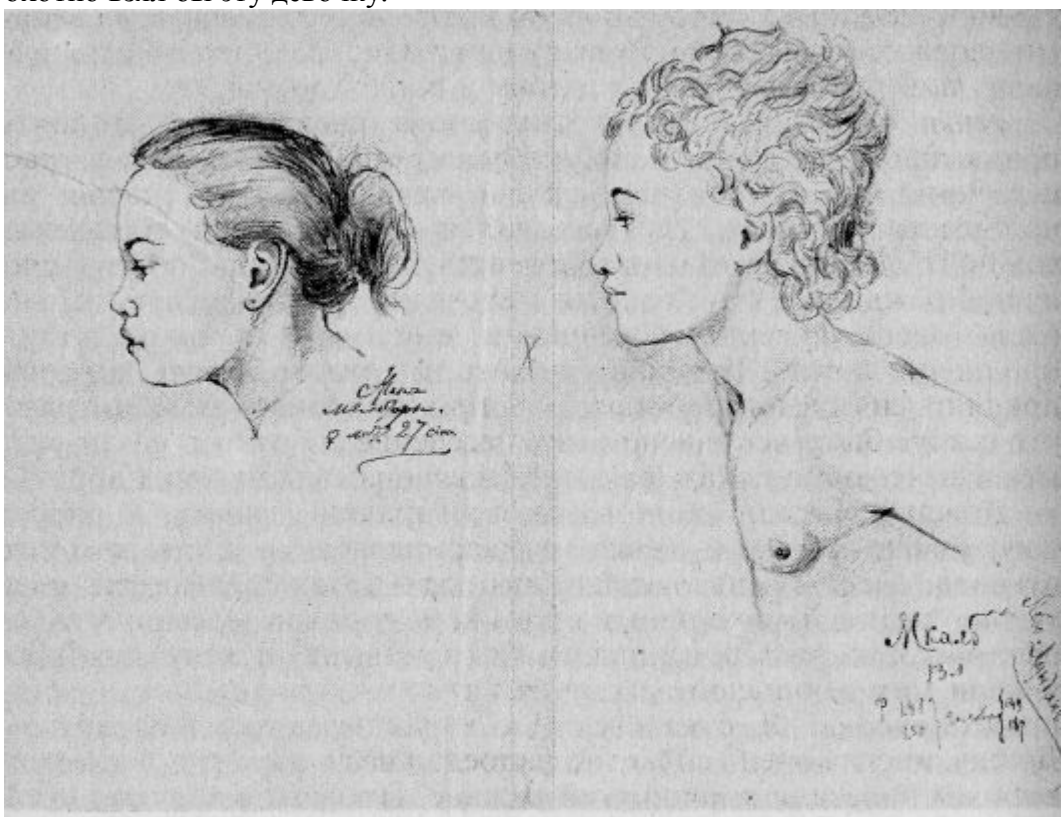
Саба, мынтара (титул)[95], меня сопровождающий молодой оран-утан, провел меня по головоломной тропе или, вернее, мосту из поваленных стволов к своей хижине, которая стояла на высоких сваях метра 2,5 от земли. Проходя около одной хижины (всех было три), я заметил голову девушки с большой куафюрой вьющихся волос. Я сейчас же пригласил всех жителей хижины (одна бы она не пошла) последовать за мною. В хижине мынтары я нашел целое собрание, между которым много курчавых голов, одна мне сейчас же бросилась в глаза миловидностью и приятным выражением. Но немного застенчивый, хотя не глупый взгляд и перемена лица, когда он (или она) увидал, что я обратил на него или нее внимание, доказали, что это девочка. Я собрал всех жителей, начал мерить и рассматривать. Жаль, что для представления мне эти люди старались одеться[96]. Мынтара представил мне своего старого отца, который мне сказал, что он сродни с махарадьей, с радьями Иохор-Лама[97], и жену, довольно красивую женщину, лет около 24.

Я нарисовал портрет Мкаль, которая оказалась действительно девочкой лет 13. Как только я сказал ей, что я ее хочу нарисовать, она поспешила надеть рубашку, но я вовремя предупредил ее, что это не нужно. Груди еще не были развиты, только

окружность сосков немного вспухла, маленькие соски вдавлены. Видя, что я на нее часто смотрю, она вовсе перестала бояться и также смотрела на меня, даже когда я кончил, не отходила от меня, очевидно, ей нравилось, что я обращаю на нее внимание. Вечером, когда я пишу, она сидит около и смотрит. Положительно здесь девочки рано становятся женщинами и имеют то превосходство над европейскими, что во всех отношениях натуральнее и откровеннее. Я почти убежден, что если я ей скажу: "Пойдем со мною", заплачу за нее ее родственникам -- роман готов.

<11--12 января> Дождь, Банду жалуется на боль в ухе, в голове, говорит, что он глух (я думаю, что отчасти боится вчерашних рассказов). Мне приходится отпустить его. Скука возиться с больным или притворяющимся человеком. Мынтара тоже говорит, что не может оставить поселение. Не хочу взять человека, который очень не хочет отправиться со мною.

7 часов. Дождь продолжается, небо серо, люди больше болтают, чем делают. Я сам чувствую, что лихорадка недалека. Досада -- нет хины. К 8 часам, однако же. немного выяснило, и я отправился снова по этим чертовским подмосткам, которые были мокры и скользки. Я должен был иногда поддерживаться, хватаясь за руку или плечо шедшего нарочно для этого мынтары. Мкаль, несшая еще ящик с провизиею и довольно тяжелый, проворно шла по тонким и колеблющимся стволам, улыбаясь моему осторожному шествию. Уложив поклажу в пирогу, я простился с мынтарой и его семейством. Они долго стояли у берега и кричали "табе"[62]* и "сламат дялян"[63]*. Мкаль не спускала с меня глаз. Странное дело -- я бы охотно взял бы эту девочку.



Жена мынтары, лет 27.
«Как у всех женщин папуасской смеси, когда волосы причесаны, вьющиеся волосы, более короткие, образуют настоящую ореолу вокруг головы»; Мкаль, лет 13. Сел. Лобо-Лундан

Речка влилась скоро в большую -- Лундан, на которой находилась хижина убитого помулу иохорского, в которой жил теперь мантри (род малайского начальника между оран-утан)[98], который должен был сопровождать меня со четырьмя оран-утан. Шестого я не взял, так как у него была лихорадка, несмотря на которую его посылали, за неимением людей, со мною. Хижина находилась на

красивом местечке; река была широка в этом месте и растительность очень живописна; перед домом были посажены несколько кокосовых пальм, что придавало более разнообразия растительной декорации. Я вошел в хижину мантри, которая была довольно велика[64]*. Кроме большой постели, состоявшей из циновок, постланных на полу, с большим балдахином против москитов и очага с некоторою посудою, ничего не было.

Жена мантри вышла нести за мужем кое-какие вещи. Он отправлялся на несколько дней и люди были не стары; меня удивило немного их прощание: он почти не оглянулся, взял вещи. Ни слова не было сказано между ними. Она, раз быстро оглянувшись, повернулась в нашу сторону и пошла домой.

Речка скоро сузилась, потом снова расширилась и почти при каждом впадении какой-нибудь речки, каком-нибудь расширении, повороте имела другое название. В 11 часов мы подъехали к месту, где находился в некотором отдалении кампонг[65]*. Позавтракав, я решил пойти туда, хотя меня предупреждали, что дорога нехороша. Она действительно была очень скверна -- болото и пни. Кроме того, пошел проливной дождь. Пришли, наконец, к хижине батена, который принял меня очень любезно. Я попросил собрать всех жителей, что вскоре было исполнено -- все население собралось. Оран-утан менее церемонно показывают чужестранцам своих женщин[99].

Дождь перестал немного, и я отправился назад, к пироге с курицей и бананами. Речка то расширялась, то, образуя много рукавов, очень суживалась до того, что небольшая пирога едва могла пройти. Приходилось прорубать коридор в зеленых заборах, образованных повалившимися деревьями. В 3 часа мы проезжали мимо большой населенной хижины, где мне предложили провести ночь. Я отказался. По берегам показались холмы. Дождь, иногда очень сильный, надоедал несколько раз. В шестом часу мы приехали к покинутой хижине. Промокший и голодный, я рад был добраться, особенно вследствие того, что все время в пироге нельзя было переменить положения.

Около самой хижины находились 2 могилы, может быть, вследствие которых эта хижина была покинута. В одной из могил была погребена женщина. Могилы здесь, как я уже сказал, различны, смотря по полу. Здесь была доска, не резная палка. В головах (на О) был другой нисан, как в ногах. Оба нисана были разрисованы черной и белой краскою. На могиле лежала чашка. Кругом могилы был забор из бамбука, и могила, кроме того, была снабжена крышею из коры. Покойника здесь хоронят в тот же день, покрывают его каином, оставляя голову и ноги открытыми, в лежачем положении.

Множество громадных комаров не позволило мне писать вечером и мешало спать. Мои люди забрали все, что могли найти в покинутой хижине.

<13 января> Утром человек, посланный за водой, вернулся с новостью, что пирога унесена течением, но ее, к счастью, словили недалеко. Пока люди отправились искать ее, я занялся рисованием могил. Проехав недалеко, мы увидели покинутые хижины и плантации; около одного такого места была причалена прау[100] с некоторой поклажей. Все доказывало, что люди очень короткое время покинули ее. Мои люди уверяли, что мой выстрел утром напугал их, вероятно, и что они так напуганы военным положением, что оттого люди убежали и не отвечают на наши повторенные зовы. Немного далее услыхали мы удары топора: рубили дерево в лесу. Я приказал остановиться и позвать. Не было ответа, но удары прекратились. Я послал человека, он вернулся со стариком, который уверял меня, что не боится, что стар. Он был очень глух и рассказывал, что много людей забрали, но его не к чему брать -- стар, не может работать. Другой его товарищ убежал, заслышав наши зовы.

Скоро мне пришлось испытать другое следствие военного положения. Мы остановились перед громадною баррикадою зелени. Два очень толстых дерева и несколько малых со множеством лиан и т. д. запрудили так речку, что и думать нельзя было прорубиться. Мантри предпочел протащить пирогу по берегу, что стоило немало труда: рубить стволы, лианы, тащить пирогу. На мою долю пришлось прорубить себе тропинку и прогуляться по болоту.

Так как пирога была слишком мала, чтобы спать в ней, я приказал в 4 часа искать сухого места на берегу. Около холма *Панкалан-букит* нашлось такое. Я приказал построить высокое бали-бали[66]*, затем, постлав одно каучуковое одеяло, другое приспособив в виде крыши, устроил свое помещение на ночь. Внизу могли лежать мои вещи и даже я мог сидеть. Люди оран-утан устроили себе "пондо" около из кадьяна пироги; циновки, постланные на несколько срубленных ветвей, дополнили их помещение на ночь. Когда стемнело, группа, расположенная у костров, окрестность, освещенная молодым месяцем, с быстрою рекою и разнообразной растительностью, была очень живописна. Но комары, голодные и многочисленные, часто будили меня. Ночью даже я должен был будить людей поправлять огонь.

<13--14 января> В 2 часа ночи вода в реке поднялась (прилив), и мои люди должны были переместить свое пондо, перенеся его выше. Ночью дождь несколько раз шел очень сильно. Утром также, так что мешал мне сделать эскиз моего бивуака. Все утро до *рума-пасон*[61]* *Квала Индау* он не переставал.

Рума-пасон была хижина, построенная на сваях при впадении реки Кахан в Индау, так что хижина стояла совершенно в воде. Две большие лестницы вели к большой веранде, которой пол состоял из круглых необтесанных бревен, на ней[68]* находилась пушка.

Я вошел в хижину, которая оказалась небольшою казармою. Посреди вокруг стойки стояли старые английские ружья, одну половину хижины занимали невысокие нары, наполовину отгороженные циновками, другую половину занимали на грязных циновках человек восемь, которые оказались солдатами этой крепости. Я спросил начальника. Довольно молодой малаец с энергическим лицом представился как "капала"[69]*. Я ему объяснил, что у меня письмо махарадьи и что я отправляюсь в Индау у моря[101], затем вернусь сюда, чтобы отправиться через Джохор-Лама в Джохор-Бару, что мне надо людей и прау для этого и что я надеюсь, что он все это устроит.

Рума-пасон Квала Индау

Прочтя письмо махарадьи, он отвечал на все: "Боле"[70]*. Я испросил его дать, не отлагая, рису моим спутникам оран-утан, которые дрожали от холода (лил проливной дождь) у дверей, не решаясь войти, боясь малайцев, и сказал им, чтобы они приблизились к огню. Пока другую свободную половину нар (отгороженная циновками, оказалась комнатой начальника) освобождали от вещей и завешивали моим каучуковым одеялом и приготовляли мое помещение, я спросил моего нового знакомого, знает ли он человека, к которому адресовано письмо, данное мне Инчи-Андой. Оказалось, что он есть это лицо. Я ему рассказал о виденном и слышанном, о войне и прибавил, что мы отчасти не надеялись застать кого в рума-пасон. От него я узнал следующее: что действительно люди Пахан говорят, что не оставят эту рума-пасон, так как махарадье йохорскому принадлежит правый берег р. Индау, а рума-пасон же стоит на левом, который принадлежит Пахану. Но оказывается на деле, что они называют нарочно *р. Кахан* (или Сомброн, как ее здесь называют) -- Индау, что оспаривают йохорцы. Я знаю только, что пока я плыл по р. Кахан, ни разу не слыхал от оран-утан, что это Индау.

Гарнизона рума-пасон всего тринадцать человек, и начальник уверял меня, что их всех перебьют, если дойдет дело до схватки. Далее я узнал от него, что хотя он сам никогда не отправлялся этим путем, но знает, что можно добраться до Йохор-Бару отсюда дней в пять по рекам Сомброн, Кахан и Маде, затем один день ходьбы пешком до Йохор-Лама. По Индау живет много оран-утан, и, поднявшись по реке, можно дойти до высокой горы *Улу-Индау.*

Так как в этот день я, за неимением риса, кроме пяти испеченных неспелых маленьких банан, ничего не ел, то позавтракал с большим аппетитом.

Устраиваясь в своем помещении, я встал так, что мог хорошо через перегородку из циновок видеть внутренность комнаты Майман-Али, которой большую часть занимала постель, закрытая большим кламбу[71]*. Так как Майман-Али не было, то из-за занавески выглянула, к большому моему удивлению, женская головка. Я вспомнил, что он мне говорил, что хотя он 3 месяца здесь, но уже успел жениться. Несколько раз, когда мужа не было, молодая женка выглядывала из-за занавески и посматривала на меня.

Весь день почти шел дождь.

<15 января> Плавание по р. Индау. Широкая и быстрая река представляет мало разнообразия, исключая двух или трех холмов на правом берегу. Около одного из них, Букит-Тана-Хабат[72]*, находятся оставленные копи олова, около другого, Букит-Иора,-- оставленный рума-пасон Йохора. Правый берег йохорский почти не населен: люди боятся Пахана, оставили даже свои плантации и хижины; левый же, начиная от селения Рантау-Пандья, почти везде представляет хижины, около которых посажены кокосовые и арековые пальмы, сахарный тростник, рис, бананы. Несколько раз шел проливной дождь, и кадьян протекал так, что писать нельзя было почти.

Я приказал остановиться около хижины денана (начальника) паханского, спросить или купить молодых кокосов. Мне сперва сказали, что его нет дома; я уже думал отправиться далее, когда вышел из хижины старик, который, почтительно, немного боязливо кланяясь, просил зайти к нему. Я отказал, потому что тропинка была очень грязная, но пригласил его к себе в пирогу. Он с любопытством расспрашивал, откуда, куда я направляюсь, зачем.

Я нарочно принял очень серьезный вид и, показывая ему мои инструменты (компас, анероид, термометр), мою записную книгу, сказал, что путешествую, чтобы видеть людей, животных, растения, видеть горы, как они высоки, реки, где и как текут: Прибавил, что знаю, где р. Индау и где р. Кахан -- спорный вопрос и что ни один человек не называет одним именем эту реку, как только люди Пахан. Очень поучительным тоном прибавил, что очень-очень скверно, что люди Пахан

затеяли нехорошее дело, что вследствие этого все оран-утан разбежались, боятся. Мои люди были очень довольны, видя, как физиономия старика вытянулась. Принимая меня за агента губернатора в Сингапуре, он поспешил меня разуверять, что люди Пахан и не думают о войне и т. д. Но что люди не совсем спокойны, доказали мне мои остановки в паханских селениях; везде встречали меня люди, которые числом скоро образовывали толпу, все были вооружены крисами[73]*, парангами, очень неохотно отвечали на мои вопросы и поглядывали очень подозрительно.

По берегам росли много ниповых пальм[102], саговые также попадались, затем по мере приближения к устью растительность стала однообразнее, мангровые стали преобладать. Противный ветер и прилив, образовывавшие противное течение, очень замедлили плавание, так что только в шестом часу после 11-часового плавания пристал к рума-пасон и увидал море, образующее у устья белую линию прибоя, который около 6 месяцев заграждает вход и выход прау.

Меня встретил Хаджи Лати, отец и сын, и я отправился к рума-пасон, которая внутренне далеко не соответствовала моим ожиданиям и словам моих спутников, которые говорили мне о столах, стульях и лампах. Кроме хромого кресла и скамьи, ничего, кроме голых стен, не оказалось, и к тому вечером громадное множество голодных москитов, но мне принесли кламбу.

Сегодня ровно месяц моего странствия по Йохору.

Несмотря на москитов и очень жесткий пол, иду спать, хотя 7 с половиною часов вечера.

<*16 января*> Ночью раза три будили меня москиты, так я решил не спать второй ночи здесь, а в пироге. Утром отправился я к устью реки, к морю. Несмотря на серое небо с нависшими облаками, оно было хорошо, даже как здесь, с песчаными покрытыми лесом берегами, не представляющими ничего особенного, даже после богатого тропического леса. Странное дело, я, однако же, боюсь потонуть, боюсь положительно воды. Вдали несколько необитаемых островов почти скрывались в тумане.

Квала-Индау -- небольшое селение, которого население исключительно малайцы. Китаец, который одно время поселился здесь, вернулся в Йохор вследствие неурядиц с Паханом.

Сильный ветер, который выл всю ночь, продолжается и теперь. Я мог достать здесь некоторое подкрепление моим запасам сахару, чаю, кур, соли.

Хаджи Лати рассказывал мне, что год тому назад был здесь англичанин, имя которого не знает, который после неудачной охоты на слона очень заболел, и он больного отвез в Йохор. Этот господин приехал из Бату-Пахат.

Рума-пасон здесь очень небольшой, но довольно хорошо из досок построенный домик, состоящий из двух этажей; верхний состоит из большой проходной веранды, открывающейся на обе стороны, и двух небольших комнат.

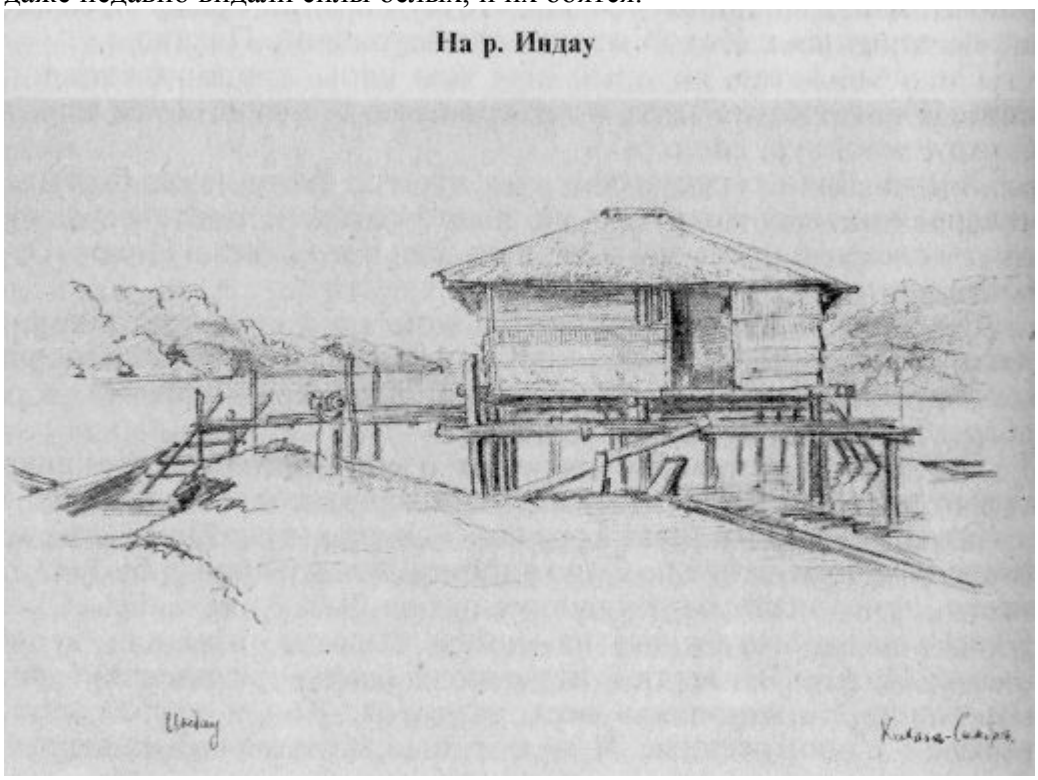
В 3 часа я отправился, пройдя очень короткою тропинкою прямо в Падан, и тем избежал более одночасового плавания.

Этот раз пирога была гораздо больше -- 6 гребцов, хотя мое последнее помещение не было удобнее; к тому пирога была очень валка, при малейшем неравновесии она быстро качалась. Около 5 часов вдали показались на минуту высокие горы или, вернее, холмы Индау. Я заехал в деревню *Пландо* -- резиденцию палимы-кичиль[74]*, виновника всех раздоров. Как и вчера, жители вышли все вооруженные. Я, не обращая внимания на их недружелюбный вид, спросил саго и, пока его отмеривали и насыпали, я спокойно сел и разговаривал с толпой.

Сам палима-кичиль не хотел или не смел показаться. По рассказам, этот человек, которого здесь все, иохорцы и паханцы, очень боятся, очень некрасив, даже урод, и хотя он не начальник, но, будучи человек энергический, он действует смело и

решительно; он убил или по его поручению были убиты 2 йохорских начальника, и оран-утан большею частью привлечены на сторону Пахана и переселились туда; если кто не хотел слушаться его, были убиты; в Пахане, говорят, это очень в моде, радья рубит часто и многим головы.

По странному стечению обстоятельств оба человека, которые сопровождали меня вчера и сегодня, без меня или, вернее, не сопровождая белого туана, не посмели бы показаться здесь без очень положительного риска для жизни. Вчера это был перебежчик, который прежде жил в Пахане, а теперь служит махарадье; сегодня -- один йохорец, которого уже раз хотели убить, но он спасся. Но здесь уже не раз и даже недавно видали силы белых, и их боятся.



Саго, которого здесь много едят, было желто, но недорогое. Заплатив 10 центов, мы отправились. Был великолепный лунный свет, и, так как люди довольно лениво гребли, я, отчасти чтобы возбудить их переменить темп, отчасти чтобы переменить положение, взял весло в руки. Грести было легко: весло легкое и пирога не тяжела. Мы хотели провести ночь в Дусун-Тинги, в хижине малайца йохорского, но он встретил нас так неприязно, боясь палимы-кичиль, что мои люди предпочли переночевать в оставленной хижине, также подданного йохорского, который, опасаясь паханцев, переселился. Я остался спать в пироге.

<17 января> Забрав несколько кокосов, мы отправились. Я позавтракал a la mode de la Cote Maclay[75]* бананами и водою кокосового ореха. Так как люди гребли лениво и приписывали это голодному желудку, я приказал искать места, где можно было бы сварить рису. Опять нашлась пустая хижина, покинутая йохорцем. Плантация была большая, и, говорят, земля отличная здесь. Пока я пил чай, люди завтракали. Ахмат, сохранивший свои папуасские привычки, отправился искать съедобное в лесу и вернулся с разными листьями, уверяя, что это хорошо есть с солью. Мое знание ботаники не позволило мне определить эти растения, но я их попробовал и нашел их действительно не хуже вкусом растений, употребляемых европейцами в пищу. Я часто на Новой Гвинее удивлялся количеству растений, листья и цветы которых едят люди.

Проезжая мимо опять-таки покинутой рума-пасон, около холма Иора, я хотел нарисовать вид этого и соседнего холмов, но оказалось, что плантация, хотя только

года три покинутая, так заросла частым кустарником, что, несмотря на мой нож и желание, я должен был отказаться от проекта прорубить тропинку, достаточно далекую, где можно было нарисовать бы вид, заграждаемый зеленью непроходимой. Отказавшись от этого, я приказал остановиться около тампат-крамат[76]* на *Тандионг-Туан,* который считается таким святым, что даже из Сингапура приходят сюда малайцы молиться, когда хотят предпринять что или когда их предприятие исполнилось успешно. На расчищенном месте около небольшого дерева были воткнуты в землю множество палок, на концах которых висели длинные тряпки, другие тряпки висели на дереве. На земле были видны следы частых посещений, и Дюбусу сказал мне, что приходящие едят здесь. На земле валялись кости козленка, кокосовые скорлупы. Я заметил также два камня. Дюбусу сказал мне, что это две могилы, но чьи,-- неизвестно; даже самые старые люди говорят, что они от самых старых людей сами не слыхали, кто здесь погребен, но что издавна это место "крамат". Дюбусу также сделал "табе" этому "крамат", предпринимая эту прогулку в Йохор и прося счастливо вернуться назад. Он мне сказал, что в этом месте в реке водится много больших зверей (крокодилы?), но что они не причиняют вреда людям, что они как бы стерегут это место.

Не ранее как около 3 часа показалась рума-пасон Квала-Сомброн, сегодня, по случаю моего прихода, с развевающимся красным флагом. Место выбранное очень удобное. Я решил остаться переночевать здесь, так как люди устали, надо было переменить яло, я хотел нарисовать вид окрестности и притом, не ев ничего с утра, исключая бананов, кокосов и чая, был голоден.

Здесь я встретил очень образованного оран-утана, который сопровождал этого англичанина, охотника на слонов, из Бату-Пахат сюда. Я его спросил об языке; он сперва сказал, что у них другой, но не умел сказать мне ни одного слова, не малайского.

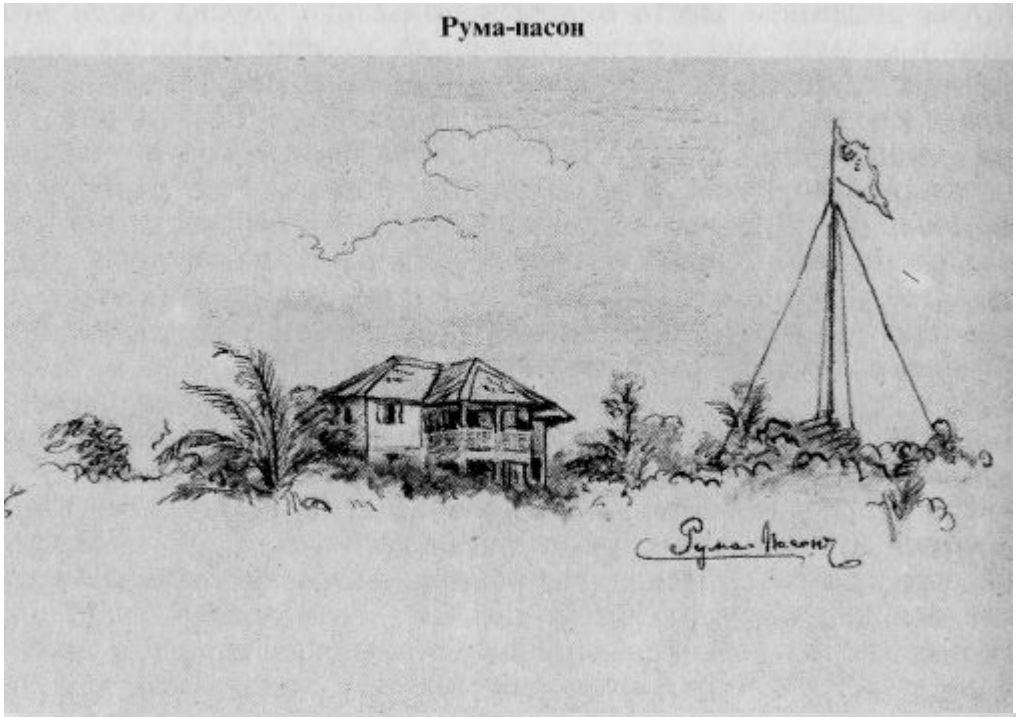
<18 января> Спал очень хорошо и утром к чаю был встречен Ахматом, который вчера вечером, когда я спал, испек мне довольно вкусный пирог из саго и натертых кокосовых орехов. Не знал его кулинарных способностей. Нарисовал Касиема (оран-утан), о котором уже говорил, и виды обеих рек -- Кахан и Индау. По берегу растет пояс панданусов[102]. Холм Тана-Хабанг изобилует свинцом, который уже один раз начинали разрабатывать.

Странное здесь положение женщины, одной среди стольких мужчин. Я думаю, в Европе таковое невозможно, но ислам или старинные обычаи малайцев ограждают мужа от конкуренции.

Мохамед-Али, Касием и другие еще желают сопровождать меня в Пахан. Вообще замечаю, что здесь европейцы пользуются большим уважением и об них более высокого мнения, чем в голландских колониях, может быть, вследствие разности голландского и английского характера, может быть, что европейцев здесь меньше знают.

Вчера мои люди были чересчур веселы, хохотали, громко кричали, так что я сказал *Дюбусу,* малайцу, который меня сопровождает в качестве главы людей, что я подобного шума не желаю; вследствие чего, когда я сошел в яло, люди очень притихли.

Хотя было шесть гребцов, мы подвигались вдвое медленнее, чем когда спускались по реке, имея только троих. Я решил остаться ночевать в пустой хижине, которую заметил на пути из Лундана в Индау. Мы достигли ее только при наступлении темноты, но лунный свет был совершенно достаточен, чтобы поужинать и устроить ночлег. Я остался в яло, завесив обе стороны от ночного ветра и сырости. Люди отправились спать в пустой сарай, который служил прежде людям, которые резали и сушили здесь ротанг.



Касием, лет 25, из сел. Линга

<19 января> Разбудив людей около 5 часов, я сказал им, что отправлюсь в 6 часов.

Вследствие неосторожности или нарочно огонь костра, который ночью горел под навесом, сообщился крыше, которая вмиг запылала, и через минут 10 ее не осталось следа. Так как речка, по которой мы намеревались подняться, запружена во многих местах стволами, под которыми приходится проезжать, пришлось снять кадьян. Речка была значительно уже вчерашней. На стволах деревьев, которые свешиваются над нею во многих местах, я мог заметить следы высокой воды во время дождливого времени. На сучьях, которые отстоят от теперешнего еще высокого уровня речки на 5-6 м (смерил сам), висели прицепившиеся во время

высокой воды сучья, ил и даже значительно большие стволы. В это время (в месяце зуркуеда[104]), продолжающееся недолго -- около пяти дней, лес залит. Берег здесь довольно высок и песчаный. Верхний слой (хумус), скрепленный корнями растений и деревьев, висит лоскутами над обрывистым, подрытым водою берегом. По берегу нашлись несколько пондо малайцев, которые режут ротанг, и оран-утан, которые временно жили здесь; теперь по случаю беспокойного времени нет никого.

Несколько раз мне указывали на места с вырубленными большими деревьями, покрытые мелким кустарником,-- прежние селения оран-утан и малайцев. Одно таковое, представляющее большое пространство, называется Кубурдато -- древнее большое поселение малайцев, которых жило здесь большое число, даже древняя резиденция махарадий йохорских. Мне сказали, что есть еще гробницы, но когда я их пожелал видеть, оказалось, что они совершенно заросли лесом и никто не знает дороги.

Речка Кахан разделяется на два рукава -- Кахан и Маде, и хотя кампонг, куда мы направлялись, лежал на р. Маде, мы продолжали путь по Кахан, которая стала еще уже, но которая предпочитается Маде, которая почти совершенно запружена стволами. Из Кахана мы выехали в ручьеобразный рукав Кахан-Кудон, который был не шире 4 м и в некоторых местах еще уже, при 3/4 м глубины. Наш довольно большой яло еле-еле мог пробраться через этот узкий пролив. Особенно несносны колючие хвосты Calami, но которые составляют значительное богатство этой страны, хотя незначительное с тем, которое может производить страна своим минеральным богатством. Здесь в торговле различают три рода ротанга. Ротан-тавар[105] -- очень гибкий, у которого длина доходит до 40 депа[77]*; ротан-смамбу[106], из которого делаются палки, копья, крепкий и значительно толстый, и еще один, которого названия не помню[107].

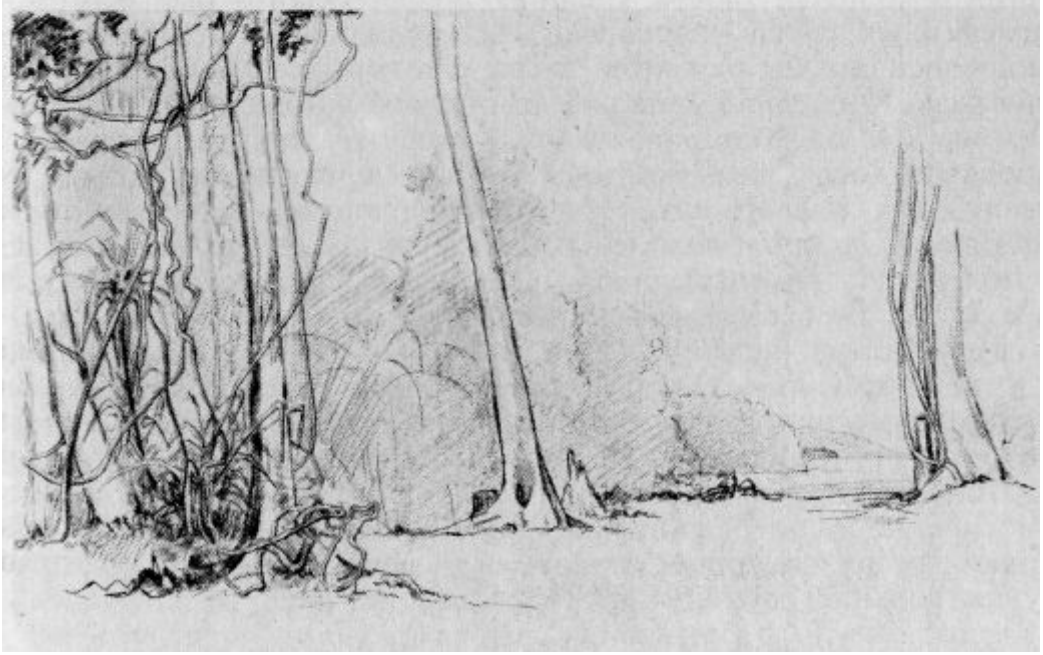
Из Кахан-Кудон мы въехали, наконец, в р. Маде, которая так же широка, как и Кахан. Проехав оставленные три хижины оран-утан, которые сравнительно были довольно тщательно построены, мы встретили прау, нагруженное мужчинами и женщинами. Мне сказали мои люди, что хорошо, если бы я им приказал бы вернуться в кампонг, а то мне придется долго ждать людей. Я это сделал, и пирога вернулась, следуя за нашею, в кампонг. Батен недавно, боясь Палимы, перешел на сторону Пахана. Я нашел три хижины, довольно хорошо построенные, и, спросив денана (нового начальника), приказал ему, чтобы в непродолжительном времени были бы яло и человек 5--6 для дальнейшего пути. В этом селении живет китаец, который женился на женщине оран-утан. Я приказал позвать всех жителей хижин, которых оказалось немного. Несколько человек имели очень кудрявые волосы, все были малы ростом; жена китайца очень бела и довольно миловидна. Хотя ей было не более 17 или 18 лет, между волосами было много белых[108].

Отсюда, говорят, дороги пешеходной нет, надо отправиться опять вверх по речке в маленькой пироге. Говорят (но только говорят), пути -- два дня по речке и два пешком.

Вечером великолепный лунный свет.

Гареб. Кампонг на р. Маде

Лианы



Денан Нианта

Бивуак Н. Н. Миклухо-Маклая на р. Маде.
20 января 1875 г.

<19--20 января> Маде. Голова болит, может быть, вследствие дыма, которым пришлось наполнить хижину, чтобы избавиться от комаров вчера вечером. Люди явились аккуратно утром, часам к шести. Пока я рисовал, почти все население обступило меня. Семья денана отличалась красивыми лицами ее членов, особенно женщин и детей. Между ними находились две девушки, в которых заметна была китайская примесь, как, например, в очень светлой жене китайца, о которой я уже говорил. Когда я отправлялся, все вышли провожать меня, прося -- кто лекарства, кто сказать махарадье об их бедствиях от палимы-кичиль. Я был рад заменить говорливых и шумливых малайцев тихими, но деятельными оран-утан, которых ловкости я часто удивлялся.

Довольно узкий, очень плоский яло поместил 9 человек, багаж и провизию, хотя тогда его борта посредине отстояли сантиметров на десять от уровня воды. Так как воды в речке было немного, то приходилось пихаться шестами, что исполняли с большим искусством двое оран. Надо[78]* было при этом не только соблюдать равновесие, но также обрубать часто нависшие ветви и колючие хвосты Calamus. Денан Нианта был особенно замечателен своей ловкостью. На груди, спине и лице у него виднелись шрамы от когтей тигра, с которым он встречался уже три раза. Последний напал на него утром в нескольких шагах от хижины. Он шел, сопровожденный своей маленькой дочерью, за дровами, когда тигр бросился на него и нанес ему много, но неглубоких ран. Нианта убил его парангом, но раны долго заставили его пролежать. Тигра съели его соплеменники. Я купил у него череп, который находится зарытым недалеко от хижины и который Дюбусу перешлет мне.

Речка была мелка и очень запружена заборами -- повалившимися деревьями, которые образовывали целые леса, которые приходилось прорубать, что очень замедляло плавание. Стволы, которые приходилось прорубать, были часто около одной четверти метра в диаметре. Для этой работы служил топор довольно странного для европейца образца, который, вероятно, сохранился, по преданию, от времен каменных топоров, которых существование еще помнят (Кратон), но которые совершенно вывелись из употребления. Он имеет гибкую рукоятку, что, вероятно, усиливает силу удара. Подобные топоры встречаются также на Яве, в лесных местностях[109].

По этому пути уже более года не проезжал ни один малаец, не говоря про европейцев, из которых здесь не был ни один. Поэтому нам приходилось прочищать дорогу. Я удивлялся работе двух оран-утан: весь день поочередно они работали то топором, то шестами.

Так как ночь надо было провести в лесу, то я остановился в 4 часа, чтобы построить пондо. Вечером шел дождь, но я поместился под моим пондо. Хотя было очень узко, но зато сухо. Я пообедал внизу. Ночью же на вещах, хотя немного труся тигров, уместился на ящиках Ахмат и, несмотря на дождь, проспал великолепно.

<21 января> Речка представляла еще более заборов. Тот, кто знаком с примитивным лесом, поймет, если я скажу, что для того, чтобы проехать по речке, мне приходилось прорубать дорогу для пироги, как в чаще леса; потому, сделав 6 часов пути, нам пришлось употребить более двух с половиной на рубку. По берегам и в лесу здесь растет громадное количество ротана[79]*. Туземцы отличают здесь до двадцати различных видов, из которых некоторые достигают длины около 40 сажен.

Я наблюдал сегодня моих спутников, оран-утан, сравнивая их с Ахматом; для меня примесь папуасской крови несомненная. Эти физиономии с толстыми оттопыренными губами, плоским широким носом очень похожи были, особенно профилью, на Ахмата, даже цвет кожи был одинаков[110].

Устроил сегодня очень удобную хижину, даже в два этажа. Воздушный дворец этот был построен часа в полтора, очень крепко и просто. Ночью шел проливной дождь. Думал о Л. и о музыке.

<22 января>. Нельзя было по случаю дождя отправиться далее до 8 часов, почему я занялся расспросами оран-утан, и вот что узнал. Здешние оран-утан, будучи в близких отношениях с малайцами, потеряли много своих старых обычаев, не употребляют сумпитан, совершенно забыли свой старый язык, строят хижины и живут почти совсем, как малайцы; некоторые даже приняли ислам. Малайцы, даже китайцы, часто женятся на девушках оран-утан, притом вследствие войны с

Паханом много оран-утан выселились в разные места. Вероятно, скоро здесь это племя отчасти сольется, отчасти исчезнет.

Как только дождь перестал немного, я отправился далее. Хотя мне сказали люди, что это место, откуда нам приходилось идти пешком, очень недалеко, но мы употребили более трех часов, чтобы добраться, беспрестанно задерживаемые дождем и заборами. Это место, называемое Быбан[81]*, было очень удобно, образуя песчаный мыс, окруженный с трех сторон изгибом речки.

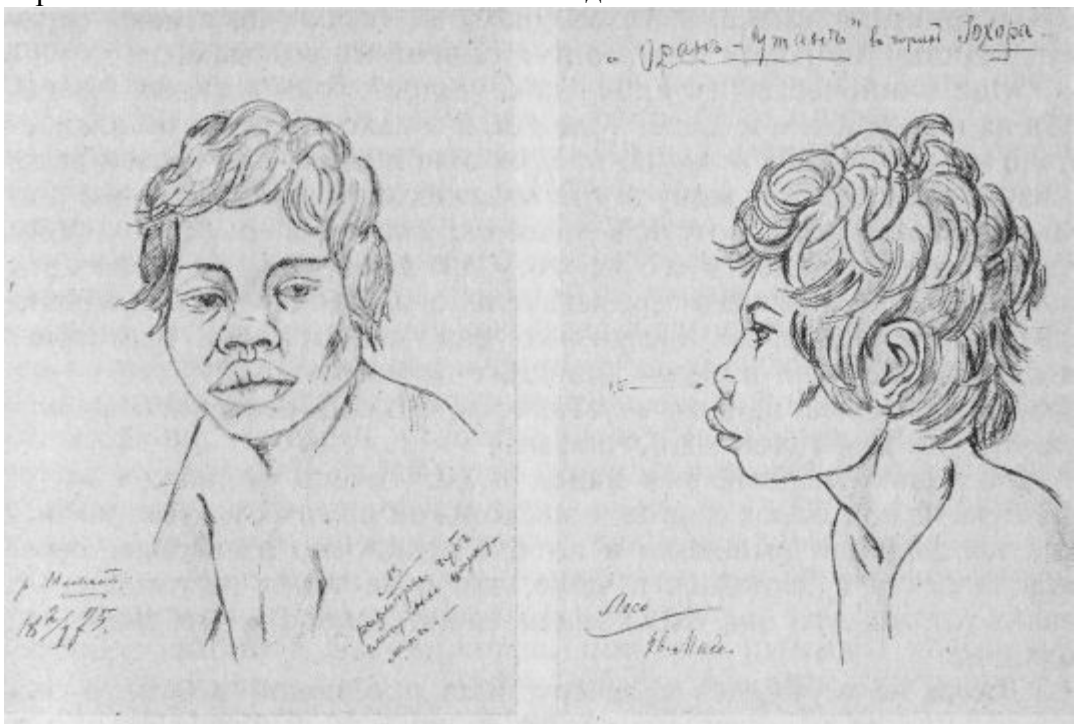
Выглянувшее солнце и ветер позволили высушить мокрую одежду и одеялы, хотя ненадолго, потому что ночью опять пошел дождь.

<*23 января*> Три оран-утан и малаец были очень обременены ношением[82]* моих вещей, которые несли обыкновенно 6 человек, когда переставший дождь позволил нам двинуться в путь. Лес был очень болотист; между невысокими холмами в некоторых местах приходилось идти по колено в болоте. Прибавим к этому удовольствию многочисленные шипы Calamus и других колючих растений, проливной дождь, который по временам делал лес еще мокрее. Особенно трудно было людям с тяжелыми ношами, так что пришлось к 1 часу пополудни, приказав людям построить на ночь пондо и задержав двоих, послать других в деревню оран-утан, которая находится не слишком далеко, за людьми, самому же с вещами остаться до завтра здесь. Ноги очень распухли. и рана от шипа, который ранил меня в лесу Кратона, болит. Хины нет, и вряд ли сегодняшняя прогулка пройдет даром.

Лег вчера с заходом солнца, и хотя вообще спал хорошо, но ночью чувствовал несколько раз, несмотря на фланелевую одежду и шерстяное одеяло, холод.

Утром вместо риса позавтракал саго с чаем. Рис по неосмотрительности Дюбусу очень нехорош, так что люди вчера и сегодня перебирали его. Удивляюсь такому терпению, но для них *еда* -- важнейшее дело.

Людей ожидаю только к полудню, но решил отправиться в деревню: чувствую пароксизм и не желаю остаться больным здесь.



Оран-утан Лосо (Лысо), лет 18, из Гареба на р. Маде

<*24 января*> Вчера люди не пришли. Я провел почти все послеполудня в ожидании их. Досадно было раскладывать уже совсем к походу готовые вещи, но, когда стало темнеть и людей не было еще, пришлось.

Так как днем шел несколько раз дождь, в лесу было очень сыро, я же страдал лихорадкою, то я придумал себе очень удобный при этих обстоятельствах ночлег: зашнуровал по обеим сторонам каучуковые одеяла и проспал отлично и тепло в этом каучуковом футляре[111]. У людей вышел весь рис, хотя уже два дня, как я уступил им мою порцию. Я им приготовил сам (так как никто, кроме меня, не умел это сделать) род полужидкого студня из саго с солью и сахаром. Затем, сделав довольно удачный портрет оран-утан Лысо с очень типичною физиономией и записав размеры его головы и лица, я приказал всем отправиться в соседнее селение за провизиею. Теперь сижу один и наслаждаюсь тишиною и уединением. Я сказал -- тишиною, но в лесу не тихо, но нет этого назойливого, мне часто противного житейского шума и говора людей.

Пока я рисовал Лысо около получаса, он сидел замечательно неподвижно на корточках, с вывернутыми внутрь ступнями ног, и чем дольше продолжался сеанс, тем более оттопыривались его губы и глаза становились уже. Цвет его кожи почти совсем сходен с Ахматом.

Люди здесь (оран-утан и малайцы) совершенно соглашаются со мною, когда я им говорю, что прежде у всех оран-утан волоса были, как у Ахмата, но что, смешиваясь с малайцами, они получили понемногу другие волосы. При этом они сами прибавляют, что там и там (всегда почти указывая на более дикие, отчужденные племена) в Пахан (около р. Текам), по левому берегу р. Индау и в горах есть люди с такими же волосами.

Мое одиночество сегодня, даже недостаток съестных припасов напоминают мне Берег Маклая, и я нахожу, что я положительно чувствую себя отлично во всех отношениях при этом образе жизни. Чем долее я живу в тропических странах, тем более они мне нравятся. Лес, который меня окружает теперь, так хорош, что не только описать его не могу, но даже не могу подыскать для него подходящего прилагательного, поэтому употребляю самые обыкновенные. Несколько раз, несмотря на безветрие, я слышал сегодня падение больших деревьев в лесу, что я уже замечал в Гвинее: падают от старости, без особенных, как кажется, причин для такой катастрофы.

Сегодня в первый раз видел в лесу очень большую змею, фунтов 12 или более длины, в нескольких шагах от меня, но она так неожиданно выползла и потом, грациозно изгибаясь, переплыла речку и скрылась в чаще, что я не успел разглядеть ее; знаю только, что она была значительно длинна и что движения изящны.

Люди не вернулись к вечеру; шел проливной дождь, огонь погас. Я был голоден, но нечего было есть. Должен был, как только начало темнеть, ухитриться устроить себе помещение на ночь, чтобы не промокнуть. Было очень темно, когда я был разбужен шумом в кустах, затем всплесками воды речки у самого пондо. Какое-то животное пришло пить. Вспомнив виденную утром большую змею и вчера виденные свежие следы тигра, я машинально вынул револьвер из чехла и ощупью удостоверился, что он заряжен. Кроме порывов свежего сырого ветра и нескольких капель дождя, однако же, ночью других приключений не было. Досадно было, что не мог развести огня: спичек не было, хотя *каю-лара* было немало. Я еще не приобрел искусства добывать огонь a la orang-utan[83]*, хотя оно очень простое на вид.. *Каю-лара* -- лиана[112], которой тонкий ствол употребляют оранутан для добывания огня. Высушенную, немного заостренную палочку из каю-лара, держат вертикально, катая между ладонями, быстро вертят, как бы желая пробуравить лежащую внизу подобную же палку. В образованной верчением ямке опилки начинают тлеть и загораются. Их собирают и, положив на сухую шелуху кокосового ореха, раздувают огонь. Я видел эту лиану несколько раз на реке Маде. Она достигает также значительной толщины. Цветов ее не видал. Я видел оран-

утан, который в несколько минут добыл таким образом огонь; другие добывают его бамбуком и огнивом.

<25 января> 10 часов. Очень голоден. Нет ничего съедобного, кроме сырого сахара и чая, но огня нет, чтобы спечь или сварить что-нибудь.

К 11 часам вернулись трое из восьми моих людей оран-утан с одним еще, но который едва тащился по случаю болезни, с новостью, что из трех людей из соседнего селения Теба двое вернулись с дороги вследствие лихорадки, третий -- с больными ногами -- едва мог следовать за ними. Хотя я был доволен их приходом, но еще более обрадовался принесенному ими рису, которого холодного и очень круто сваренного с немного солью и перцем, съел большую тарелку. Нианта отправился по речке вверх за пирогой, Дюбусу -- в Иохор-Лама в рума-пасон. Мои люди Сайнан и Ахмат остались в селении.

Нинчи, услужливый малаец, который всегда скоро и хорошо сооружал для меня пондо, уверял меня, что не мог спать, зная, что я один в лесу, и когда я ему рассказал о слышанном животном, он и другие объявили, что это животное был, конечно, тигр.

Притащившийся больной, конечно, не мог нести вещей. Поэтому ноши, которые должны были нести трое, были очень тяжелы. Тропинка была очень порядочная, редко попадались болотистые места, и через ручьи были положены (старанием Ахмата, как мне сказали) стволы для переправы. Видно было, что здесь чаще люди ходят, много тропинок перекрещивались. Мы направлялись постоянно на S или SSO.

Было около 3 часов, когда, придя к ручейку, на берегу которого стояло пондо, Нинчи предложил мне переночевать здесь, говоря, что до Теба еще очень далеко и что ноша тяжела. Другие были того же мнения; мне очень не хотелось оставаться здесь, сделав сегодня только переход в три с половиной часа, но я не нес, кроме ружья, никакой ноши, люди же маленькие, с мизерным телосложением, пройдя утром это же расстояние к р. Мемет, затем с этою ношею, которую я не думал, чтоб мог бы нести 3 часа, уверяли, что тяжело, с очень несчастным видом говоря, что еще очень далеко. Я, жалея их, согласился. Построили мне пондо, и я проспал, пролежал и передумал о многом, многих, прошедшем и будущем, от 6 вечера до почти 6 утра.

<26 января> Я выпил немного чаю, так как сахар опять на исходе; мои люди поели рису и закусили испеченною пухлою лягушкой, и мы отправились на S. Перешли через многое множество ручьев и несколько раз через р. Теба и к 11 часам пришли в селение Теба, откуда по реке того же имени отправлюсь завтра в рума-пасон на р. Иохор. Здесь я мог высушить мокшее уже столько дней одеяло и белье. Рана от шипа сильно болит, увеличилась и не имеет хороший вид.

Оран-утан здесь немного, все с вьющимися длинными волосами и, как вообще все, малы ростом. Одна женщина особенно поразила меня своею миниатюрностью: она имела при первом взгляде вид 13-летней девочки и рост ее не превышал 1,31 м, с очень жидкими членами. Она имела уже трех детей, и, раскрыв ее саронг, поверил тому при виде ее длинных дряблых грудей. Другая женщина, которую я нарисовал, также ни красотою, ни приятною физиономией не отличалась. Она была женой жирного, мясистого оран-утан, но с красивыми вьющимися черными волосами, которые падали на плечи спиральными локонами. Сайнан говорит, что и на Яве много таких волос, что, кажется, справедливо.

Один из здешних жителей напомнил мне физиономию капитана Мавара[113]. Я уже много раз в разных частях света встречал физиономии, которые при первом взгляде напоминали мне друг друга. В Батавии, например, племянница Фиц-Фер-Плуг напомнила мне младшую Бётлинг[114]. Один мальчик в Пангут напомнил мне

девочку в Амбоине, которая мне нравилась. Этот странный факт я не совсем понимаю.

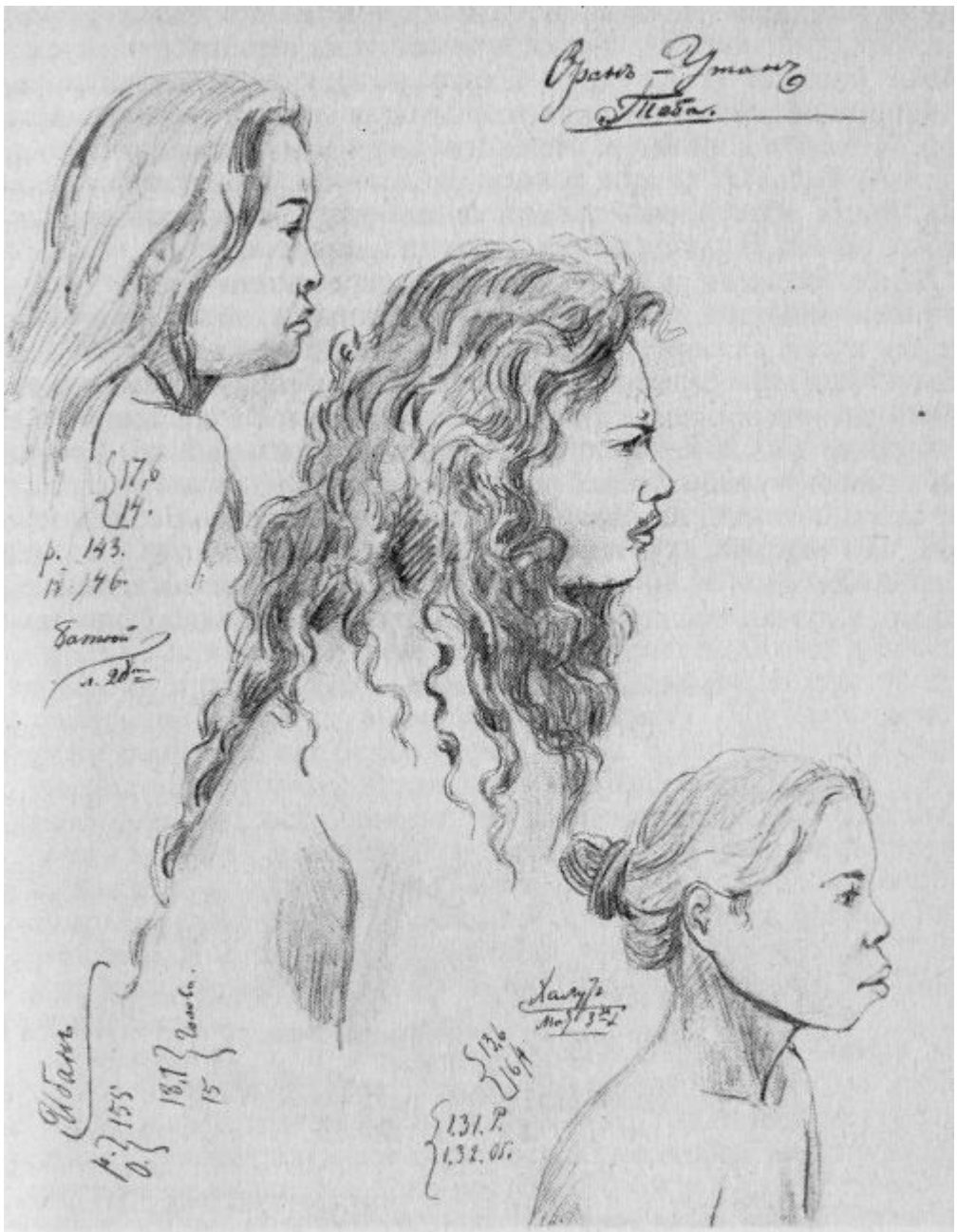
<27--28 января> Разбудил людей. Еще не было 4 часов, но все было готово только к пяти с половиной часам. Отправились. Опять встретились много преград, но гораздо менее, чем на р. Маде. Мелководье, однако же, затрудняло немного. Встретили на дороге яло и людей, которые были посланы за мною из рума-пасон. Сперва речка называется Ленью[84]*, потом Йохор. По мере того, как она становилась шире, стали попадаться признаки цивилизации: огромные стволы, разрубленные на части, сажени в 3 и 4, и приготовленные для сплавления. Они назначаются для пильной паровой фабрики махарадьи. Через десять часов плавания вниз по реке достиг я, наконец, рума-пасон и был очень вежливо и любезно встречен малайцами.

<28--29 января> Отправился далее, переменив людей. Цивилизация все заметнее. Лес местами очень порублен, постоянно встречаются прау, здесь плантация гамбира[115], там разрабатывают олово. Но везде китайцы, которые почти исключительно населяют здесь берега, и малайцев сравнительно очень немного. Узнав, что помулу Кота-Тинги находится в отсутствии и желая завтра отправиться на гору Панте, я заехал в деревню этого же имени сказать тамошнему начальнику, что мне надо будет завтра утром трех человек нести вещи и что я думаю вернуться из Кота-Тинги и ночевать у него, чтобы рано поутру отправиться на гору.

К полудню достигли Кота-Тинги. Уже на берегу виднелись повешенные на ветвях небольшого дерева белые тряпки. Это были панди-панди[116], обозначающие "крамат". Малаец по имени Касим заступал место помулу и сторожа старых гробниц, куда я отправился, позавтракав.

Четырнадцать гробниц находились на небольшой возвышенной, обнесенной низкой оградой из камней террасе, имеющей форму прямоугольника. Гробницы состоят из продолговатого, обнесенного камнями места с двумя резными колонками. Одна (большая) -- в головах, другая -- в ногах, как нисан на гробницах оран-утан. Около одной из гробниц, которая также лучше сохранилась, были воткнуты много панди-панди; около 3 чашек, подноса с угольями лежали две старые пули. Касим сказал мне, что это гробница султана Махмуда[117]. Орнаменты на гробницах не отличались ни оригинальностью, ни красотою[118]. На всех почти находился орнамент, которого значение я узнаю, может быть, у махарадьи.

Последний махарадья похоронен в Сингапуре, куда, как мне сказали, махарадья приказал перенести несколько старых, найденных в окрестностях гробниц. Вдали виднелись горы, но ближайшая окрестность не была особенно живописна. Часа в 3 я вернулся в деревню Панте.



Женщины оран-утан из сел. Теба:
Батюй (лет 28), Ибан, Халут (мать трех детей)

<29 января> Поднялся часа в 3: не мог спать. Из пяти обещанных людей пришло только трое, и то мы были готовы в семь половиной часов. Через полчаса ходьбы мы пришли к участку леса, который разрабатывали китайцы, срубая большие деревья и пиля на доски. На большом пространстве по тропинке были положены подмостки -- доски и немного на верхней стороне стесанные бревна. Около речки Панте, которую мы перешли, был магазин напиленных досок, которые сплавлялись по речке, затем по р. Йохор в Сингапур. Немного далее мы прошли около нескольких больших хижин, жилищ работающих, и когда остановились, были обступлены дюжиной любопытных китайцев, которым хотелось узнать, откуда я и куда направляюсь.

Далее, все идя по подмосткам, мы прошли около многих китайцев, которые распиливали громадные стволы, разрубленные на куски сажени в две или три длиною. Стоя на высоких подмостках, они серьезно и прилежно работали, и даже (характерная отличительная черта от малайцев) мое появление редко развлекало их. Я положительно удивлялся их работе. Вряд ли сорок самых лучших белых

работников в два года могут сделать, что сделали здесь желтые. Их отношение к белым совершенно иное, чем малайцев, и не совсем без основания, хотя оно меня вчера и сегодня очень раздосадовало. Вчера, желая отправить письмо, я думал послать его с одной из больших китайских прау, отправляющихся в Сингапур, и когда одна из них проходила, я сказал помуле позвать ее. Несмотря на его крики, даже мой зов, китайцы не подумали не только остановиться, но и ответить. Сегодня, чтобы узнать дорогу, я и мои спутники остановились около китайца, который шагах в десяти пилил доски. Нас разделяла полоса редкого леса. Я позвал его, чтобы спросить дорогу; он, не обращая внимания, продолжал пилить. Я еще раз спросил его -- нет ответа. Это рассердило меня. Я сказал тогда, подняв ружье, что намерен подстрелить его, если сейчас он не придет сюда. Это, наконец, подействовало, и я не принужден был употребить крайности.

Зашли к помулу Драсаб за людьми, знающими дорогу. Это замедлило наше странствие на полтора часа. Опять пришлось упражняться в гимнастике, шагать, карабкаться, балансировать через и на пнях. Китайцы срубили множество деревьев для плантации. В лесу тропинка была очень порядочная, и даже самые крутые места были довольно удобно достижимы. Шел дождь почти все время. У Ахмата был пароксизм лихорадки, но он не падал духом.

Через четыре часа ходьбы от деревни Лепа поднялся я наверх, где анероид показал 1400 м, но затем надо было еще пройти по хребту на WSW к вырубленному месту. Но шел дождь, и кругом окружало нас белое море тумана. Было холодно и сыро.

Месяца четыре тому назад здесь провели ночь четыре англичанина; после них остались полуразрушенные пондо. Одно было снабжено крышей, и я кое-как поместился под ней, очень стесняемый дождем, холодом, болью ноги. Я не взял тарелок с собою, что очень затруднило питье супа, который я принужден был пить из стакана. Иногда ветер прогонял на момент туман; тогда кое-где проглядывал далекий и интересный вид, но это были только моменты.

<30 января>. Ночь была холодна и сыра, напомнила мне Петербург осенью. Утром тот же туман. Отправился по хребту к другому вырубленному окну на NNW и увидал на минуту гору Мынтаха, потом опять все скрылось. С вершины можно видеть от северо-северо-запад -- юго-восток. Прождав до 12 часов лучшей погоды, которой, однако же, не оказалось, отправился вниз {Эту ночь мне пришла фантазия купить для медового месяца скалы Двух влюбленных...}. В 1 час 30 минут был я уже внизу, у речки, в 2 с половиной часа -- у китайцев, где узнал несколько интересных подробностей[119] и выпил стакан горячего чаю. Отсюда один с Ахматом вернулся в деревню Панте, где был встречен чи[85]* Касимом, который объявил мне, что махарадья прислал за мною сампан. В доме помулы я нашел сержанта, присланного с сампаном. Он сказал, что махарадья вечером третьего дня, узнав, что я достиг р. Йохор, сейчас же послал его и что он ожидает приказания от меня. Хотя было только что 4 часа (я сошел с горы в 3 с половиной часа), я предпочел остаться ночевать в деревне Панте и завтра отправиться в Йохор.

Чи Касим очень просил завтра заехать в Кота-Тинги, желая, чтобы я позавтракал бы у него, прибавляя, что есть гробницы, которых я не видел.

Кубур Саид. Памятник

<31 января> Приехав часов в 8 в Кота-Тинги, отправились сейчас же к гробницам. Проходя мимо хижин, которых было немало, но стоящих довольно далеко друг от друга, Касим, шедший впереди, выкликал живущих в хижинах, говоря что-то так[86]* скоро, что я разобрал только "туан пути"[87]* и "кубур"[88]*, но следствием чего было, что за мною образовалась целая вереница свиты с копьями, крисами, мечами, которая в известном порядке, по чинам, следовала за мною. Тропинка почти потерялась в лесу, пришлось простому малайцу идти впереди прорубать путь.

В глухом, заросшем месте я увидел, наконец, террасообразное возвышение -- Кубур-Саид. Взойдя наверх, я начал рассматривать гробницы, причем мне сказали, что нельзя шагать через них.

Кубур-Саид состоит из террасы 1,5 м высоты, 20 -- длины и 8 -- ширины; на ней находятся три женские и две мужские гробницы. Терраса имеет форму прямоугольника, и с одной стороны заметны развалины портика. Орнаменты не лишены вкуса. По внешнему виду можно сейчас же отличить женские, мужские и детские гробницы. Кубур-Саид находится совершенно в лесу, но теперешние жители предполагают, что "темпо дулу"[89]* здесь было большое селение.

На пути к гробнице мынтахары[120] мы прошли мимо нескольких холмиков, окруженных рвом, которые также были гробницы. Хотя мы проходили по болотистому мелкому лесу, где тропинку приходилось прорубать. Осмотрев их, нарисовав один из памятников, мы отправились к 3-й группе гробниц, также в лесу,

к гробницам бендахар, которые значительно хорошо сохранились. Там был орнамент, очень схожий с теми на прежде осмотренных гробницах в Кота-Тинги и Кубур-Саид. На некоторых я нашел надписи, которые на других позднее заменены простыми чертами. Около гробниц малайцы искали усердно небольшие прозрачные зерна кварца[121]. Сопровождавший меня малаец жаловался, что около гробниц древних султанов теперь китайцы (нечистый народ) хоронят своих покойников.

Осмотрел плантации перца и вернулся при проливном дожде в дом[122] чи Касима, где готов был завтрак.

Очень вероятно, что через десяток лет Йохор очень изменится, если теперешний махарадья останется жив, если нет, все еще может заглохнуть. Во всяком случае движение китайцев важно. Население Йохора очень робкое, но очень удобны речные сообщения, которые очень легко устроить: вероятно, минеральные богатства могут очень преобразить страну[123].

[1]* *Я верен своему слову (исп.).*
[2]* *Далее правильно:* магометанство.
[3]* *Набедренная повязка (мал.)*[24].
[4]* *Восстановлено по: КЗК. No 2. Л. 8 об.*
[5]* *Мое настроение (франц.).*
[6]* *Становится все более человеконенавистническим (франц.).*
[7]* *Обычные члены человеческого сброда (нем.).*
[8]* *Далее было:* и взятое. *После этого в рукописи переплетающиеся инициалы* Л. Л. *и* М. М.
[9]* *Далее в тексте правильнее:* Линга. *Так же в КЗК, No 4, л. 3.*
[10]* *Далее было:* очень неудачно.
[11]* *Пропуск в рукописи.*
[12]* *В записной книжке и далее в тексте более правильное написание:* Палонг *(ЗК. No 1. Л. 14--16, 17).*
[13]* *Помулу, правильнее -- пенгхулу (мал.) -- начальник, вождь, староста.*
[14]* *Яло, правильнее -- ялиа (мал.) -- пирога, лодка.*
[15]* *Кадьян, правильнее -- каджанг (мал.) -- циновка либо сплетенный из листьев ниповой пальмы (а также других растений) навес для лодок или колясок.*
[16]* *В рукописи ошибочно написано:* января.
[17]* *Пирога, местная лодка любого типа (мал.).*
[18]* *Далее:* Бандон, Бадун *(ЗК No 1. Л. 62 об.),* Бадонг *(КЗК No 1. Л. 19, 25).*
[19]* *Господин (мал.),*
[20]* *Кобон, правильно -- кебун (мал.) -- огород.*
[21]* *Улал, правильно -- улар (мал.) -- змея.*
[22]* *Мышь (мал.).*
[23]* *Хижина, шалаш (мал.)*[47].
[24]* *В рукописи ошибочно написано:* января.
[25]* *В рукописи в этом месте стоит дата:* 25/XII--74.
[26]* *Не бойся (мал.).*
[27]* *Возьми, пожалуйста, табак (мал.).*
[28]* *Дикие люди (мал.).*
[29]* *В рукописи ошибочно написано:* января.
[30]* *Правильно:* Абдуррахман *(араб.).*
[31]* *Далее было:* вышла.
[32]* *Далее было:* представили.
[33]* *Люди холмов (мал.).*
[34]* *Описка. Должно быть:* пинги.

[35]* *Описка. Должно быть:* нипис *(вид мелкого лимона). Правильное написание в КЗК No 3, л.39.*
[36]* *Далее было:* очень.
[37]* *Вставлено в СС, т. II.*
[38]* *Квала, правильнее -- куала (мал.) -- устье реки. Входит как составная часть в географические названия.*
[39]* *Восстановлено по: КЗК. No 3. Л. 39 об.*
[40]* *В тексте пропуск.*
[41]* *Даже в тексте имеется незаполненная таблица*[81].
[42]* *Было:* или Бату Пахат.
[43]* *В рукописи пропуск. Предыдущие два слова написаны карандашом.*
[44]* *Ранее более правильно:* Дянлон.
[45]* *В рукописи:* много было.
[46]* *Было:* в лесу.
[47]* *Не бойся (мал.).*
[48]* *Клейкий сок деревьев (см. прим. 58).*
[49]* *Центов.*
[50]* *Бояться, страх (мал.).*
[51]* *Дикие люди! Ушли на поиски еды (разг. мал.).*
[52]* *Далее правильнее:* текам.
[53]* *В ЗК No 1, л. 38:* "масит-масит".
[54]* *Ранее было:* Баду.
[55]* *Священный камень (мал.).*
[56]* *Приветствие у мусульман.*
[57]* *В рукописи далее скобки, оставшиеся незаполненными. См. прим. 46.*
[58]* *Здесь: атавизм (нем.)*[89].
[59]* *Далее:* Лондан.
[60]* *Могильный камень, памятник (мал.).*
[61]* *Я верен своему слову (исп.).*
[62]* *Приветствуем (мал.).*
[63]* *Счастливого пути (мал.).*
[64]* *Далее запись относится к 12 января (см.: ЗК. No 1. Л. 40, 42).*
[65]* *Поселение, квартал, деревня (мал.).*
[66]* *Лежанка, топчан (мал.).*
[6?]* *Полицейский участок, тюрьма (мал.).*
[68]* *Было:* была прикреплена.
[69]* *Голова, начальник (мал.).*
[70]* *Можно, будет исполнено, хорошо (мал.).*
[71]* *Противомоскитная сетка (мал.).*
[72]* *Вариант:* Букит Тана Хабан *(ЗК. No 1. Л. 46. 47 об.).*
[73]* *Кинжал с обоюдоострым, чаще всего волнообразным клинком (мал.).*
[74]* *Малый военачальник (мал.).*
[75]* *По обычаю Берега Маклая (франц.).*
[76]* *Священное место (мал.).*
[77]* *Мера длины, соответствующая расстоянию между концами пальцев развернутых рук (мал.).*
[78]* *В рукописи:* Так как надо.
[79]* *Восстановлено по: ЗК No 1. Л. 48.*
[80]* *Фраза приписана карандашом сбоку.*
[81]* *Вариант:* Бынбан *(ЗК No 1. Л. 51, 52).*
[82]* *В рукописи:* ношами.
[83]* *По способу оран-утан (франц.).*

[84]* *Вариант:* Линью *и* Ленгьйо *(ЗК No 1. Л. 52, 53).*
[85]* *Чи (сокращ. от encik) -- господин (мал.).*
[86]* *В рукописи:* очень.
[87]* *Белый господин (мал.).*
[88]* *Могилы (мал.).*
[89]* *Раньше, прежде, в прежние времена (мал.).*

Сиам

17--26 февраля 1875 г. Я воспользовался поездкою сингапурского губернатора Sir Andrew Clarke в Бангкок и пробыл десять дней в столице Сиама.

Девять дней -- слишком малое время для этого интересного города: хотя он сравнительно не принадлежит к древним городам Азии, но имеет свой cachet[1]*, свой характер, и, видев его, ich habe manches gelernt[2]*.

Несмотря на то, что массивные камни и статуи заменены в Бангкоке кирпичом и штукатуркою[1], но, подражая древним храмам в характере и мелочах, строения характерны и не лишены грандиозности, как, например, пирамиды Будды[2], развалины Ватсекет, фигура Будды в Ватпо[3]. Также у устья хорошенький островок[4].

Население представляет большую смесь. Некоторые физиономии я нашел схожими с малайцами, некоторые имели более китайский тип, некоторые -- ни тот, ни этот, как, например, у молодого принца с толстыми губами.

Женщины много работают, и костюм их, приспособленный к занятиям разного рода, помогает, что часто смешиваешь оба пола. При более внимательном взгляде более круглые формы (груди), особенно широкий зад, указывают на пол. У некоторых я нашел довольно симпатичные физиономии.

Из зданий замечательны 3 пагоды: Ватпо, Ватсекет и дворец, который, однако же, начинает терять свой примитивный характер из-за короля, который построил между старыми постройками часть дворца в европейском казарменном стиле[5]. Вообще молодой король, который придерживается и некоторых старых обычаев, женившись на своих полусестрах[6], в остальном обезьяннически копирует европейцев: например, одел своих офицеров и отчасти солдат в неподходящий европейский костюм, надавал разным лакеям и молоденьким принцам кресты и т. д.

Я сам видел молодого короля только издали. Одни говорят, что он умен, и ожидают многое от него. Другие уверяют, что он совершенно потаскан, имел уже много жен уже несколько лет. Замечательно то, что он, как говорят, насильно употребляет одну из своих полусестер, которая почему-то не хотела своего братца в мужья[7].

Чоу — сиамец, лет 30.
«Портрет носильщика, который мне был представлен как тип сиамцев ⟨...⟩
Цвет сиамцев светлее малайцев, но темнее китайцев»

Мейсой — девочка-сиамка, лет 12 1/2.
Ее же фотография, сделанная в 1873 г.

Костюм ♀♀сиамских состоит из саронга, которого концы продеты между ногами и прикреплены спереди и сзади у пояса так, что он образует нечто вроде шаровар[8]. Кроме того, довольно длинный кусок материи образует род шарфа, который особенно любят девушки, более из кокетства накидывают на груди. Костюм живописнее малайского и для климата удобен, представляет много прорех, две большие -- на внутренней стороне ляжки. Костюм прост и удобен.

Придворные дамы, жены-сестры короля придумали себе костюм -- смесь французского с сиамским. Жидкие икры, обутые в не по мерке сделанные башмаки, не делают этот выбор более удачным. Зависит, однако же, многое от оригинала.

Общество европейцев в Бангкоке не малочисленное. Консулы разных наций (разумеется, русского не имеется)[9], довольно много купцов, особенно немцев. Есть даже один русский (от русского отца и матери парижанки), некто Демьянов, хороший малый, но очень недалекий.

Сестра фотографа была хорошенькая девочка, которой рожица и стройный стан, хотя еще неразвитый, могли бы понравиться и европейцу. Едва-едва выходящая из

детства, она уже держала себя как девушка относительно ♂, и когда я рисовал ее, я невольно сделал замечание, что ♀везде тоже ♀[10].

В Бангкоке работают очень недурно золотые вещи. Вообще сиамцы имеют вкус, и я был даже удивлен при виде художественно исполненной -- и сходством, верностью и естественностью -- статуи из дерева покойного короля. Статуя в натуральную величину, одета в королевское платье. Голова и руки исполнены очень хорошо, хотя напоминают лепку восковой фигуры. Корона короля, шпили пагод украшением походят друг на друга[11].

[1]* *Отпечаток (франц.).*
[2]* *Я кое-что познал (нем.).*

На Малаккском полуострове (ноябрь 1874 г.-- июнь 1875 г.)

Этнологические вопросы на Малайском полуострове

Сингапур, 29 ноября 1874 г.

Цель моего путешествия на полуостров Малакку заключается в желании убедиться, *находится ли на полуострове папуасообразное племя или по крайней мере следы смешения такого с теперешним населением.* Читая, что известно о жителях полуострова, можно прийти к совершенно противоположным взглядам и найти в прочитанном доказательства в подкрепление того или другого мнения.

Из этого противоречия и взвешивая беспристрастно факты, является убеждение, что вопрос о населении Малайского полуострова еще не решен, несмотря на то, что некоторые авторы, как Кравфурт {*Crawfürd J.* A Descriptive Dictionary of the Indian Islands and Adjacent Countries. London, 1856: "The Semang, or dwarf Negros of the Malay Peninsula" (p. 259) *(Семанги, карликовые негры Малайского полуострова (англ.)),* "Race of small Negros found in the mountains of the Malay Peninsula (p. 273) *{Маленькие негры, обнаруженные в горах Малайского полуострова (англ.))* и на многих других страницах.}, Логан {Logan J. R. Ethnology of the Indo-Pacific Islands // Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia. 1853. Vol. 7) говорит о семанг, что хотя они, как и андаманцы, смешаны с другими племенами, но несомненно негры (стр. 31 и 32 привед. соч.)[1].}, говорят о некоторых племенах положительно как о неграх.

На основании этих мнений большинство авторов по этнологии и этнографии в Европе (однако же, не все, как, например, Вайтц), сами не видавшие этих стран и людей, один за другим повторяют старую песню, как бы она была бы совершенно доказанною.

Между прочим, племя *семанг*[2], судя по описаниям, более всех отличается от малайцев, что побудило Вайтца {"...dass sie (Semang) weder als Negritos noch als verwilderte Malaien, sondern als eine besondere Race zu betrachten sind" *(Waitz Th.* Anthropologic der Naturvolker. Th. 5. Abth. 1. Leipzig, 1865. S. 87).} считать его за особенную расу. Мнение -- хотя очень осторожное и не позволяющее возражать, но во всяком случае неудовлетворительное. Про тех же семанг говорит Ньюбольд, что они внешностью почти не отличаются от якун {*Newbold T. J.* Political and Statistical Account of the British Settlements in the Straits of Malacca. Vol. 2. London, 1839. P. 377.}, сказав ранее, что оран-бенуа[3] (или якуны) не отличаются от малайцев {Там же, стр. 370.}.

Это сходство между племенами расширяет очень поле исследований; но вместе с большею трудностию является большее этнографическое значение этих исследований. Антропологические наблюдения, а также собирание словарей сохранившихся наречий, вероятно, приведут к более удовлетворительным результатам, чем которыми мы довольствовались до сих пор.

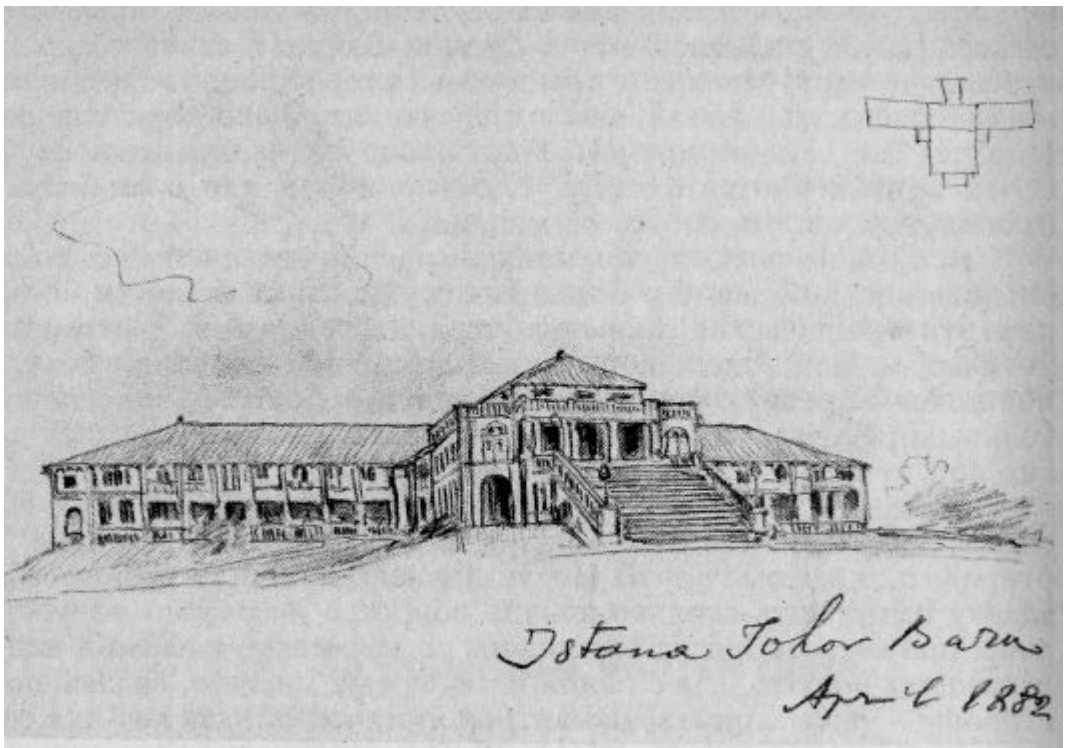
Разрешение этого вопроса находится в программе моих исследований, и, не имея возможности (по случаю нездоровья[1]*) отправиться в этом году на Новую Гвинею, я решил взять на себя задачу разъяснить сколько-нибудь вопрос о населении полуострова, причем, сообразуя мои планы со временем, я имею в виду разрешить вопрос этот с одной и, по моему мнению, важнейшей стороны -- преимущественно антропологической, так как для ознакомления с обычаями, языком и т. п. требуются года или по крайней мере месяцы, а не дни, которые я хочу посвятить на отыскание и на наблюдение с чисто зоологической точки зрения этой интересной разновидности человеческой породы, которую называют здесь оран-якун, *оран-утан* и т. п.

Этнологическая экскурсия в Йохоре

Йохор-Бару, резиденция махарадьи йохорского, 6 декабря 1874 г.

Неудобства разного рода -- малость и темнота комнат, сквозной ветер, скверный стол, а особенно постоянный шум и человеческий говор -- сделали мне пребывание в большой многолюдной казарме, которую называют Hotel de l'Europe в Сингапуре и в которой останавливается на несколько дней, иногда на несколько часов пестрая и говорливая толпа европейцев на пути в Японию, Китай, Филиппинские острова, в Нидерландские колонии, в Австралию или возвращаясь из всех этих стран в Европу, положительно невозможным.

Я перебрался в Йохор, чтобы приготовиться к моей экскурсии во внутрь и ознакомиться немного со страною и людьми, Махарадья йохорский принял меня в высшей степени радушно, и я отдыхаю в его комфортабельно, хотя просто устроенном доме после шума и толкотни европейской толпы в постоялых дворах Батавии и Сингапура[4].



Дворец махарадьи. Город Йохор-Бару

Лалия — девушка оран-утан, лет 15. Султанат Пахан; снимка Исин

Махарадья йохорский человек положительно замечательный, соединяя с соблюдением старых обычаев и желанием пользы своей стране понимание и верную оценку европейских идей и нововведений. Он уже раз был в Европе (в Англии), но в следующем году думает еще раз отправиться туда и посетить все большие города. Махарадья, узнав о моем намерении познакомиться с жителями его страны, обещал мне свою помощь. Главная трудность оказывается в продовольствии людей, которых я должен взять с собою для переноски вещей. Хотя я привык обходиться minimum'ом необходимого, но все же при узкости и часто даже неимении тропинок (вследствие чего люди могут нести только сравнительно очень небольшую ношу) мне надо будет человек 6 или 7. Припасы

для людей, состоящие главным образом из риса (которого нельзя найти у лесных жителей), составляют такую тяжесть, что нельзя взять припаса на все время предполагаемой экскурсии (около 20 дней).

Взять для переноски вещей не малайцев, а оран-утан, которые более привычны к странствию по лесам и которых небольшой табор скитается в своих пирогах по ближайшим рекам (Сунги-Малаю и Сунги-Скоде), махарадья мне положительно не советует, так как его самый строгий приказ и обещания хорошей награды с моей стороны не оградят меня от возможного приключения: что в одну прекрасную ночь или даже прекрасный день люди эти (оран-утан), если им что не понравится или просто не захочется идти далее, без дальнейших объяснений, втихомолку, оставя свои ноши, скроются, будучи совершенно привычны к жизни в лесу и не признавая никакого контроля какой-либо власти.

Не желая подвергнуться такому приключению, я думаю отправиться без особенного плана касательно пути, не задавая себе задачу дойти до такого-то или другого места, а соображаясь с обстоятельствами, перебираться из одной местности в другую, имея постоянно в виду цель моей экскурсии: видеть как можно больше жителей лесов и гор, которых называют здесь (в Йохоре) разными именами: оран-утан (люди леса), оран-букит (люди холмов), оран-лиар (дикие люди), оран-райет {Оран-райет можно перевести приблизительно "туземцы"[5].}, оран-якун {Оран-якун собственно не имеет особенного значения, как и предыдущие названия: тоже Crawfürd (выше привед. соч., стр. 161) говорит, что имя "jakun" -- "a name of unknown origin and meaning" *(название неизвестного происхождения и значения (англ.)).*} и другими еще именами.

Йохор-Бару, 3 февраля 1875 г.

Вчера вернулся в Йохор-Бару. Моя экскурсия заняла вместо 20 дней, как предполагал, почти 50. Результаты интересны, хотя доказывают необходимость дальнейших исследований, которые я предприниму, как только несколько отдохну и освобожусь немного от лихорадки.

Экскурсия оказалась труднее, чем ожидал. Я предпринял ее, не ожидая конца дождливого времени, так что во многих местах пришлось проходить по залитому лесу и воды было иногда выше пояса. Чтобы пересечь Йохор от запада (устья реки Муар) к востоку (устью реки Индау), мне потребовалось 30 дней, несмотря на то, что значительную часть пути я мог сделать в пироге и мои переходы пешком были нередко по 10 и 11 часов в день, но частый лес, в котором приходилось подчас прорубать тропинку, болота, частые ручьи и речки, через которые приходилось строить на скорую руку мосты (состоящие, разумеется, из одного или несколько поваленных деревьев) или связывать паромы, строить бараки для ночлегов, так как лес почти не населен, замедляли очень путешествие. Из Индау я опять сухим путем вернулся в Йохор-Бару -- еще 20 дней.

Я достиг своей цели и, встретившись во многих местах с оран-райет и оран-утан, имел возможность познакомиться с этим интересным племенем, которому не суждено вести еще долго свою бродячую и примитивную жизнь. При их малочисленности, при подвигающейся колонизации малайского племени и китайцев, при положительном нежелании оран-утан изменить образ жизни или они совершенно исчезнут, или почти бесследно (в этнологическом отношении) сольются с малайцами.

Главный и отчасти неожиданный для меня результат экскурсии заключается в *убеждении, основанном на положительных фактах,* что *между хотя очень*

смешанным населением оран-утан Йохора можно еще найти следы смешения с другим, не малайским (очень вероятно, папуасским) племенем.

Мой дневник слишком объемист, и я слишком ленив, чтобы сделать выписки, которые к тому еще очень потеряют, если не приложить эскизов типов жителей. Поэтому и эту работу откладываю до возвращения в Россию.

"Вилла Вампоа"[6] около Сингапура 7 апреля 1875 г.

Поездка в Бангкок. Лихорадка после моей экскурсии в Йохор, мешавшая работе и не позволявшая продолжать значительно трудного странствия в Малайском полуострове, была причиною, что я вздумал воспользоваться поездкою губернатора Сингапура сэра А. Кларка в Бангкок, чтобы взглянуть на Сиам и его жителей, надеясь к тому, что морской воздух при плавании туда и назад поможет мне скорее освободиться от лихорадки. 12 февраля я отправился в Бангкок на паровой яхте губернатора "Плуто" и 4 марта вернулся снова в Сингапур. Ожидание, однако же, не оправдалось, даже напротив, я вернулся более хворым, чем отправился.

Несмотря на это, я остался доволен поездкою, имев случай видеть, хотя поверхностно (всего 9 дней стоянки), столицу Сиама, а также приобрести объект, который обещает интересные результаты для моих анатомических исследований {Приехав в Сиам, я искал случая купить по возможности молодого слона для исследования мозга, который, будучи неудовлетворительно исследован, очень интересует меня в сравнительно-анатомическом отношении. Оказалось, что в Бангкоке один только король имеет слонов. Я почти отказался от моей мысли, когда неожиданно получил от молодого короля, которому было рассказано о моем желании и о моих поисках, формальное обещание, переданное мне секретарем министра иностранных дел, что при следующей большой королевской охоте (которая ежегодно предпринимается в окрестностях старой столицы Сиама -- Аютии) он прикажет сохранить для меня самого молодого из пойманных слонов. Это было тем более любезно со стороны короля, что накануне я отказался от предложенной мне аудиенции под предлогом, что у короля по случаю приезда английского губернатора много дела и что, не имея ничего сказать ему. не желаю беспокоить короля; собственно же потому, что аудиенция молодого короля, который очень старается по возможности копировать европейцев, имела для меня очень небольшой интерес. Так как этот подарок -- пойманный при случае большой охоты молодой слон -- не представляет почти никакой ценности, а мозг его меня очень интересует, то я принял подарок или, вернее, обещание подарка. Как только время найдется здесь, в Сингапуре, или на Яве (куда я еще намерен вернуться), я распоряжусь о присылке моего слона и займусь исследованием его мозга[7].}.

Нездоровье и замедление экскурсии в Пахан. Возвратясь в Сингапур, я поселился на несколько дней у русского вице-консула г. Х. А. Вампоа, которого гостеприимство, интересный сад и дом и в гастрономическом отношении замечательная кухня знакомы многим русским морским офицерам, бывшим в Сингапуре, и которого имя упоминается почти в каждом описании Сингапура. Я принужден отложить еще на неопределенное время мою экскурсию в Пахан, потому что к лихорадке, которую я привез обратно из Сиама, присоединилась больная нога. Это новое препятствие -- следствие моей экскурсии в Йохоре, но отчасти следствие моей небрежности и нежелания обратить внимание на мелочь. Йохорский лес особенно изобиловал громадным числом пиявок, так что ноги наши, мои и людей, были постоянно окровавлены от укушения их. Люди мои, имея голые ноги, могли сейчас же, как чувствовали укушение, освобождаться от пиявок, я же,

не желая и не имея времени часто останавливаться и снимать обувь, ежедневно останавливаясь на ночлеге, находил на ногах около дюжины присосавшихся, наполненных кровью пиявок. Кроме того, раза два я был укушен в ногу другим животным (вероятно, судя по боли и по ранке, это животное было из рода Scolopendra), отчего нога сильно вспухла около ранок. По вечерам, несмотря на носки, сотни комаров осаждали ноги. Прибавьте к тому почти постоянно (более месяца) мокрую обувь, которую не снимал по целым дням. Неудивительно, что ноги вспухли и очень болели, особенно около сочленения обеих Maleoli правой ноги, которая, как я заметил, при пешеходных экскурсиях особенно подвергается разным случайностям. Несколько дней отдыха в Йохор-Бару перед поездкою в Сиам освободили меня от опухоли, но легкое воспалительное состояние осталось около ранок. Жара в Бангкоке, ежедневные немного усиленные прогулки по интересному городу снова открыли их, и теперь вследствие довольно большой, хотя поверхностной раны около Maleolus internus правой ноги вот уже 5-й день мне приходится не выходить из комнаты и почти все время не покидать дивана. Я опять употребляю этот скучный арест, чтобы диктовать далее (на немецком языке) мои этнологические заметки Берега Маклая и другие отрывки из моей записной книги.

Проект первой зоологической станции в Азии

Истана {*} Йохор. 20 апреля

{Истана -- по-малайски "дворец".}

М. Г.

Начну прямо с фактов, которые, истощив терпение, довели меня до решения, которое, надеюсь, скоро осуществится. Приведу несколько отрывков из дневника.

...Несмотря на удобства, если хочу продолжать работать, не могу долее остаться в доме г. Вампоа (русского вице-консула в Сингапуре). В его саду в китайском стиле находится домик, назначенный для помещения гостей и где я теперь живу около недели. Помещение удобное, даже комфортабельное, но, сообразно с национальным вкусом г. Вампоа, часть дома, центральная комната, род гостинной, в которой я занимаюсь, построена над прудом. Направо, налево -- вода, под полом тоже вода. Днем это обстоятельство не стесняет меня, не говоря о гигиенических условиях -- сырости во всем доме, испарений почти что стоячей воды; но вечером и ночью главное неудобство такой архитектуры проявляется в сильнейшей степени: жители описанного пруда, многочисленные лягушки с очень зычным голосом, положительно доводят меня до невозможности работать. К нескончаемым руладам лягушек присоединяются голоса стаи собак, сторожащей сад и дом, и пронзительный хор мириад комаров, которые, привольно развиваясь в пруду, наполняют по вечерам голодными стаями мостообразную комнату, где я стараюсь работать.

Я пытался не обращать внимания на нее, думал привычкою, одолеть это серьезное неудобство, но нестерпимые концерты одолели -- я положительно терял под влиянием их связь мыслей, не мог думать, ни даже понимать, что читаю.

На днях, как только нога немного позволила мне двигаться, я перевез себя и часть книг снова в Йохор, снова решился воспользоваться гостеприимством моего приятеля -- махарадьи йохорского.

...И здесь оказывается далеко не спокойно; дом или дворец махарадьи, в котором он и его гости помещаются, не вполне достроен или перестраивается; внизу, в столовой, кирпичный пол заменяется мраморным, проламывают двери и т. п. Вся работа почти исполняется арестантами, которые из предосторожности закованы в тяжелые цепи.

Звон и бряцанье этих цепей сопровождают почти каждый шаг, каждое движение этих рабочих, которых несколько десятков работает в доме. Прибавьте работу каменщиков, стукотню плотников и слесарей, громкие разговоры и смех многочисленной прислуги махарадьи...

Чтение этих строк вызовет, может быть, улыбку, но я положительно страдал от этого разнообразного шума и постоянно был прерываем при работе. Вот уже много месяцев нет ни одного вполне спокойного дня. Здесь, в комфортабельных и богатых домах, я с завистью вспоминаю покойную и тихую жизнь в моей келье на *Берегу Маклая* в *Новой Гвинее.*

Я решил предпринять серьезные меры против этих помех научной работе и потери времени. Вот еще мотивы, которые побудили меня к моему решению:

Оставаясь в 1871 г. в Новой Гвинее, я большую часть моего багажа отправил с корветом "Витязем" в Японию, куда я думал и думаю еще отправиться. Этот багаж состоял из разных аппаратов, книг, одежды и т. п., нужных мне в северных широтах и лишних в Новой Гвинее. Еще перед тем, имея намерение посетить Австралию, я из *Апии* (архипелаг *Самоа)* выслал в Сидней вещи, которые мне будут полезны в Австралии, и, думая, что когда-нибудь я еще заеду на о. Уполу (архипелага *Самоа),* я и там оставил несколько вещей и аппаратов, нужных при собирании зоологических коллекций, надеясь, что они когда-нибудь пригодятся. Следующие года (1873--1874) главною станциею моих странствований был *Бюйтензорг,* где находится и теперь главное депо моих вещей. Когда в прошлом (1874) году нездоровье заставило меня, против воли, покинуть на время Молуккский архипелаг и оставить много интересных работ, не доведенных до конца, я оставил, надеясь вернуться, на о. Сераме многие вещи, которые, надеюсь, будут сохранены до моего будущего посещения.

Итак, мой багаж и коллекции находятся в настоящую минуту разбросанными, кроме Сингапура и Йохора, на Яве, на Молуккских островах, в Австралии, на архипелаге Самоа, в Японии. Прибавьте к тому Америку (Вальпарайзо) и Европу (в СПб. и Иене). Разбирая критически причину этих временных складов, которые оказались не только удобными, но совершенно *неизбежными* вследствие количества необходимого багажа и трудности его перевозки с места на место, находя многое множество {Я только что привел несколько из них, но это только частичка...} положительных неудобств, мешающих серьезной работе и действительному отдыху после трудных предприятий даже при самом любезном гостеприимстве, я решил, что ради научных занятий и их успеха следует позаботиться несколько о более подходящем помещении.

Этот вопрос выступает на первый план, если путешествовать не с одной только целью собирать разного рода коллекции, быть поставщиком разных европейских музеев или только туристом, а путешествовать с целью изучать и исследовать. Имея последнее в виду и оставаясь долго в одной местности и не желая быть беспрестанно прерываемым при серьезных занятиях, является, как я испытал последние месяцы, *положительная необходимость* найти где-нибудь *спокойное убежище.* Обдумывая эти "desiderata" не малой важности для ученого, я вспомнил о "зоологических станциях" -- идея, которая уже давно мне казалась подходящею (и даже в Европе) потребностью для естествоиспытателя. Здесь, в экваториальных странах, такие станции для ученых (зоологов, ботаников и т. п.) могут быть еще более целесообразны и полезны, в особенности для тех ученых, которые захотят

заняться специальным исследованием тропических форм и для которых достаточный и годный для исследования материал может быть найден только в этих странах, а не в музеях. Имея со временем (через несколько лет) в виду такую работу и желая также помочь моим собратьям по науке, я решил на деле осуществить эту мысль и доказать несомненную пользу ее осуществления для науки.

Таким образом, мой невольный арест (по случаю все еще больной ноги и возвращающейся часто лихорадки) в Йохоре не остается без пользы; даже скверный Hotel в Сингапуре, концерты лягушек, собак и комаров в доме г. Вампоа, бряцанье и звон цепей арестантов в Йохоре и тому подобные удовольствия имели хороший результат, потому что, суммируясь, привели меня к хорошему делу, которым я считаю основание 1-й зоологической станции в Азии, которой план я имел время и повод хорошо обдумать и которая, надеюсь, несмотря на небольшие средства, которые я лично могу на нее пожертвовать, принесет пользу науке.

23 мая[8]

Не имея времени писать подробно о моем будущем Тампат-Сенанг (место покоя -- по-малайски), я посылаю письмо, написанное мною моему хорошему приятелю Д. А. Дорну[9] в Неаполе.

"Дорогой Дорн. Вам хорошо известно, что я вполне разделяю ваши взгляды о значении для науки зоологических станций, и вы легко поверите, что отличные результаты основанной вами в Неаполе станции, о которых я случайно узнал в Тернате в 1873 г., по моем возвращении из первой поездки на Новую Гвинею доставили мне большое удовольствие.

Теперь моя очередь удивить вас новостью об учреждений третьей {Я не слыхал, достигла ли какого-нибудь развитии станция, которую я вместе с вами в 1867-68 г. устраивал в Мессине. При моей кочевой жизни я получил только сведения о вашей Неаполитанской станции: я не знаю также, устроилась ли станция на Черном море, учреждение которой я предлагал Московскому обществу натуралистов[2]* в 1868 г.[10]} *зоологической станции* на *крайнем южном пункте Азии,* на Селат-Тебрау, проливе, отделяющем Сингапур от Малайского полуострова.

Эта новая станция, правда, не может иметь того же значения, что ваша в Неаполе. Я принял за образец мои собственные потребности и обычный образ жизни и соответственно им проектировал здание и принадлежности.

Прежде всего эта станция "Тампат-Сенанг" (по-малайски -- место покоя) должна служить для *меня:* в мое отсутствие и после моей смерти я отдаю ее в распоряжение каждого изучающего природу, кто нашел бы ее удобною для своих занятий.

Мое "Место покоя" может представить следующие удобства. Дом, состоящий из двух довольно обширных комнат, каждая с верандой, кроме необходимых служб, с трех сторон окружен водами пролива, а с четвертой примыкает к девственному лесу.

Дом будет скромно меблирован, снабжен небольшою библиотекою и необходимыми предметами домашнего хозяйства.

Кроме того, в нем будут два удобства немаловажного значения, а именно прекрасный вид и полное уединение.

Пользование этим "Местом покоя" открыто для каждого исследователя природы, без различия национальностей, но только мужского пола. Присутствие женщины как посетительницы или помощницы исследователя природы, который не стеснится местом, не запрещается, но пока "Место покоя" должно оставаться

верным своему имени и моей идее, присутствие детей не может быть допущено в нем.

Я купил участок земли, на котором построится дом, от махарадьи йохорского. Это небольшой холм, выдающийся мысом в Селат-Тебрау. В моем завещании я сделаю распоряжение, чтобы мое семейство *никогда не продавало его,* а также не давало бы ему *никакого другого назначения,* кроме научной станции, никогда бы его не уничтожало и не срубало примыкающего к нему леса; большее, что может быть допущено, это одна или две просеки для пешеходных тропинок в лесу, который должен навсегда оставаться образчиком девственного первобытного леса. И хотя Тампат-Сенанг может быть впоследствии перестроен из камня и снабжен большим комфортом, он никогда не может быть увеличен, чтобы не утратить характера уединенного убежища для одного естествоиспытателя.

Я спешу написать вам об этом, хотя земля только что приобретена и дом еще не выстроен, потому что я считаю весьма полезным подобные станции для естествоиспытателей в этих частях света (Восточно-Индийский архипелаг[3]*, Австралия, острова Тихого океана, Япония и пр.), а также потому, что по случаю настоящей болезни ноги я имею более досуга, чем обыкновенно.

Отели никогда не могут быть удобным местом для занятий вследствие шума и толкотни, нераздельных с ними; также и гостеприимство друзей, как бы широко и любезно оно ни было, не может удовлетворить всем потребностям исследователя природы. Этим потребностям, я полагаю, удовлетворит проектируемая мною станция, хотя скромная, но несомненно спокойная, где можно будет работать, не мешая другим, ничем не развлекаясь и не возлагая на себя никаких обязательств.

Главною причиною моего выбора Йохора служит соседство Сингапура, от которого Тампат-Сенанг отстоит в трех, четырех часах. Выгоды этого положения заключаются в том, что здесь легко сообщение со всеми странами мира, что в Сингапуре и Батавии имеются прекрасные библиотеки и что в Батавии ученые статьи могут быть печатаемы на французском, немецком или голландском языках в "Natuurkundig Tijdschrift", а в Сингапуре -- на английском в "Journal of Eastern Asia".

В надежде, что вы, может быть, будете одним из первых в числе ученых, пожелающих воспользоваться моим Тампат-Сенангом, остаюсь и проч.".

Истана Йохор, 28 апреля 1875 г.

Я имею намерение не только возобновить при случае Съезду русских естествоиспытателей мое предложение 1869 г.: основать зоологические станции в разных местностях России {Я охотно возьму на себя во время моего будущего (в 1876 или 1877) путешествия в Северо-Восточную Азию осмотреть, с целью основания зоологической станции, берега Охотского моря и Восточного океана.}, но также, обращусь к разным иностранным ученым обществам с предложением учредить подобные зоологические станции в разных частях света, как, например, в Ост-Индском архипелаге, в Австралии, в Полинезии, в Южной Америке (в Магеллановом проливе) и т. п., имея положительное убеждение, что рано или поздно мои предложения осуществятся.

Истана Йохор, 8 июня

Так как мое здоровье стало лучше, я отправляюсь, наконец, на днях в Пахан; от этой экскурсии я ожидаю немало трудностей разного рода, но во всяком случае и много интересных результатов.

Сперва я пройду уже известной мне дорогой через Йохор к реке *Индау,* откуда, подымаясь вверх по течению, я хочу посетить горы *Индау;* затем отправлюсь в *Пахан,* где мне надо будет сперва спуститься к морю, повидаться с бандахарой (или радьей) Пахана, чтобы достать от него средства переноски вещей моих в горы.

Верховья реки Пахан населены племенем оран-утан, которых малайцы считают очень злыми и опасными; оран-лиар Текам (дикие люди Текам) меня очень заинтересовали, так как я слышал о них много басен, которые ходят между малайцами; некоторые из них так оригинальны (я напишу о них в следующем письме), что должны иметь какое-нибудь основание. Одно для меня ясно: с малайцами туда отправиться мне не следует, если я хочу добраться до них, так как малайцы уже сотни лет как стараются ловить их и продавать в рабство. Придется придумать сообразную с обстоятельствами тактику и вооружиться терпением.

Буду писать Вам дорогой, из столицы Пахана -- *Пыкан.* Я могу, может быть, переслать письма в Сингапур.

Я придерживаюсь моего старого правила: *иметь в виду всегда главную цель* и не отвлекаться в сторону, как бы важны причины на то ни были бы.

Поэтому, поправившись немного, я продолжаю мои исследования и не увлекаюсь постройкою "Тамнат-Сенанг", которое обстоятельство для меня должно остаться *второстепенным,* хотя это дело, по моему мнению, очень полезное и важное для науки.

Последние дни махарадья йохорский после 2-месячных переговоров о куске земли, который я выбрал для *"Тампат-Сенанг",* и когда я с моей стороны все приготовил (нарисовал планы, нашел людей для постройки и т. д.), стал поговаривать, что может уступить мне землю только на 25 или 50 лет и даже хочет сохранить на землю разные права.

Все это совершенно не согласуется с моими планами, и я, может быть, принужден буду избрать где-нибудь другую местность для будущего "Тампат-Сенанг"[11].

Я имел случай во время моей экскурсии в Йохоре собрать остатки исчезающего языка оран-утан. который заменяется все более и более малайским. Эти рудименты могут иметь не малую важность при обсуждении вопроса о происхождении племени оран-утан и сродстве его с другими расами. Считая себя не компетентным решить, с какими языками эти остатки имеют сходство, я посылаю их на суд авторитета по филологии, многоуважаемого академика О. Н. Бётлинга[12], которому прилагаемое письмо прошу передать или переслать.

Все последние дни идет здесь дождь, что не обещает мне особенно приятное странствие по мокрому лесу, да еще с лихорадкою.

Н. Н. Миклухо-Маклай

[1]* *В рукописи:* здоровья.

[2]* *Очевидно, неточность в переводе. Правильно:* Московскому съезду естествоиспытателей. *См. полный текст письма Дорну, датированного 28 апреля 1875* л. *в т. 5 наст. изд.*

[3]* *Неточность в переводе. Правильно:* Ост-Индский архипелаг.

Второе путешествие по Малаккскому полуострову

9 июля 1875 г.

Пыкан, резиденция радьи бандахары[1] Пахана

Из Йохор-Бару отправился я 13 июня сухим путем через лес к р. Индау, по которой поднялся миль около 80 против течения, до 18-го порога, где силы моих людей оказались недостаточными, чтобы протащить пироги через высокие уступы скал. На возвратном пути посетил хотя невысокую (около 1800 ф.), но очень крутую гору Янин (одну из вершин гор Индау), затем, добравшись до устья р. Индау, морем прибыл я сюда и виделся вчера и сегодня с радьей бандахарой паханским, который принял меня очень любезно и обещал доставить мне все средства, чтобы посетить его страну, т. е. дать лодки и людей (гребцов и носильщиков) и даже назначил своего имам-иран[2] (главного начальника по военным делам, род военного министра и главнокомандующего), чтобы сопровождать меня часть дороги; но, услыхав от меня, что я имею намерение познакомиться с дикими людьми Текама {Очень дикое номадное племя оран-утан, скитающееся в лесу около Текам, о которых ходит между малайцами множество суеверных поверий и которых малайцы очень боятся.} и хочу отправиться в их сборное место один, без провожатых, настоятельно просил меня написать губернатору в Сингапур или моим друзьям в Европу, что это -- моя воля отправиться в лес Текама и что он, радья паханский, отвечает за своих людей, но не может быть ответственным за диких, которых отравленные стрелы убивают мгновенно людей и животных. За этих людей он так же мало может ручаться, как за тигров и слонов.

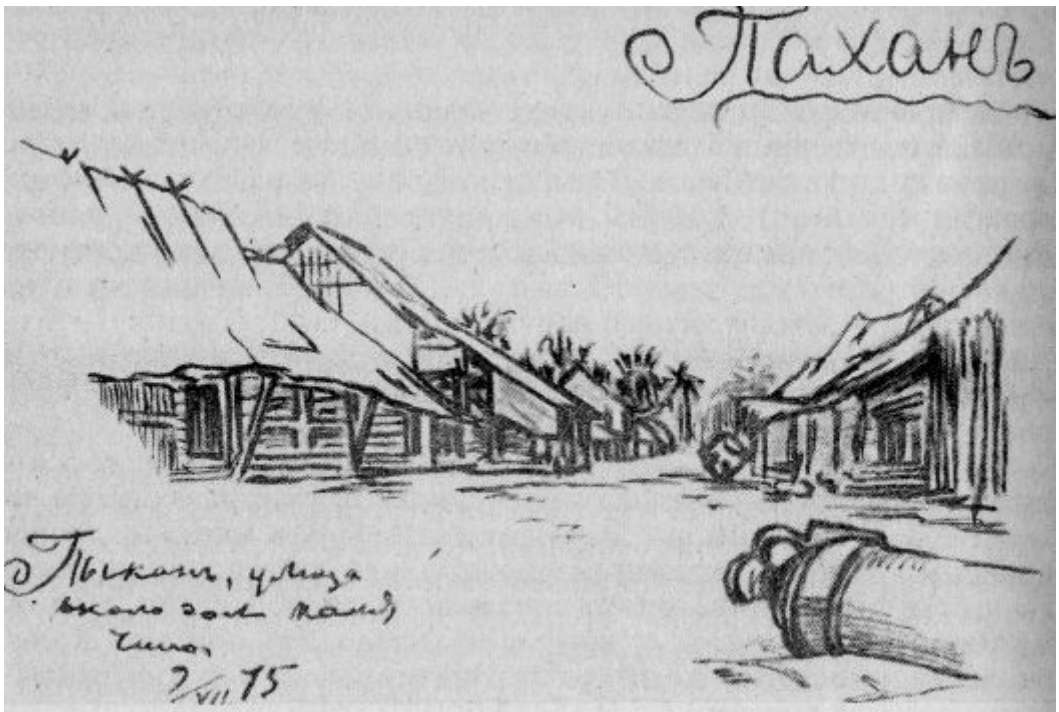
Он так настоятельно просил меня дать ему письмо в этом смысле, что я обещал ему написать: что это моя воля отправиться, несмотря на все предостережения с его стороны, к диким людям, и он будет совершенно неповинен, если его опасения оправдаются. Обещание это -- главная причина этих строк.

Пахан для меня интересен как малайская страна, сохранившаяся в стороне от влияния европейцев и где я имею случай видеть чистый малайский элемент и малайские обычаи.

Меня уверяют, что до Клантан (резиденции радьи Клантан), куда я теперь направляюсь, мне потребуется около 25--30 дней обратно по рекам, отчасти пешком через лес.

Доберусь ли я до Кеды, остается для меня вопросом.

Миклухо-Маклай



Город Пыкан. Улица около дома капитана Чина

15 августа нов. ст. 1875 г.

Котта-Бару, Клантан

М. Г.

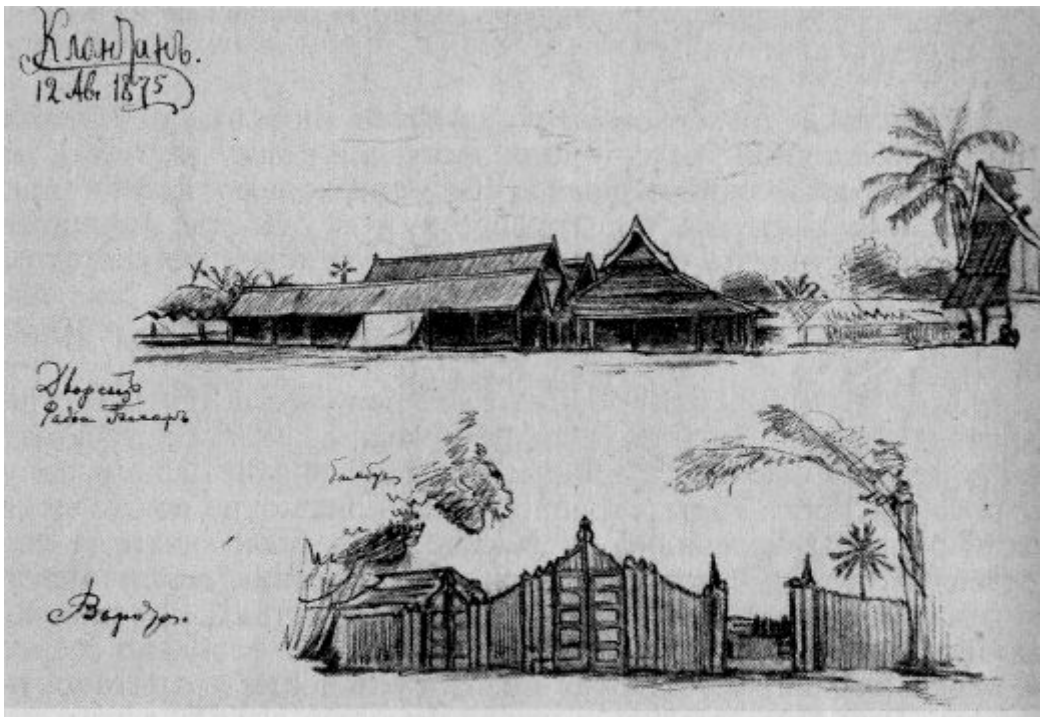
Добравшись до верховьев р. Тамылен (притока р. Пахана) и после бесплодной трехсуточной экскурсии в лесу Текама, я перешел через невысокий горный хребет к верховьям р. Лебе (притока р. Клантан), где все трудности и неудобства путешествия были искуплены неожиданным и блестящим результатом: я нашел, наконец, несмешанное папуасское племя, живущее номадно в лесах гор, у истоков рек Пахана, Трингано и Клантан[3].

Много интересных подробностей не позволяют мне при ограниченном времени в нескольких строках изложить результаты наблюдений и описать подробно путь внутри Малайского полуострова, которого горы, странно сказать, несмотря на столетия, как европейцы поселились в Малакке, не были никогда еще посещены белым человеком, почему я встречал всюду между малайским населением тупое изумление и страх, со стороны малайских радий (от которых зависело многое, особенно средства передвижения) -- большую подозрительность и притворную тупость. При этом, замечу, я нашел немалую выгоду в том, что я не англичанин, так как в последнее время наученные опытом и примером малайские власти начинают бояться планов Англии, прикрытых миролюбивыми, дружескими и сладкими речами.

Хотя я достиг положительного и удовлетворительного ответа на задачу моего путешествия этого года, я не увлекусь удобством возвращения отсюда морем в Сингапур (при этом муссоне 3-, 4-дневное плавание) и предпочитаю не близкий и не легкий путь: отсюда до Кеды на западном берегу полуострова, через земли радий Леге, Са, Патани, Сингоры; к тому почти весь путь пешком по лесу, так как слоны, хотя здесь и есть, служат более как украшение и роскошь двора радьи клантанского.

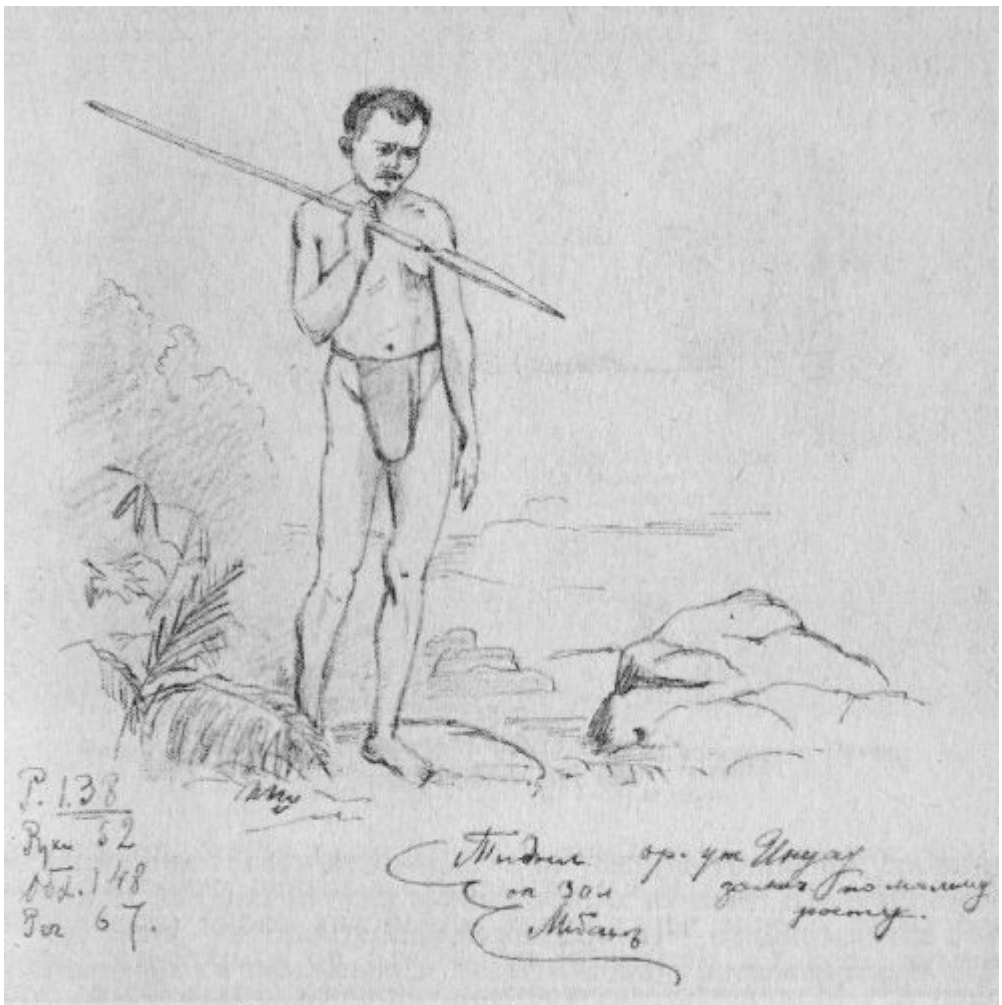
Здоровье мое относительно изрядное; трудность переноски вещей (несмотря на то, что я имел или мог иметь к моим услугам от 2 до 4 десятков людей) не позволяла мне сделать больших запасов, которые, так как идет уже третий месяц странствия, почти все на исходе, почему мне скоро придется перейти на пищу моих людей, т. е. рис и сушеную рыбу. Этот раз, однако же, я позволил себе роскошь: иметь с собою, кроме палатки, койки и стула, довольно большой стол, который часто бывает мне очень полезен и служил везде предметом чрезвычайного удивления населения, сбегавшегося к моим бивуакам посмотреть на человека с белою кожею и диковинными вещами. Буду писать из Кеды.

Миклухо-Маклай



Дворец радьи бесар (верховного правителя).
Город Кота-Бару. Султанат Келантан

Дом в сел. Гаден



Тидни — оран-утан Индау, около 30 лет, «замечателен по малому росту» (138 см)

2 октября 1875 г.

Котта-Ста, резиденция султана Кеды

Вот в коротких словах мой путь в Малайском полуострове и результаты моей экскурсии.

Собравшись в путь из Йохор-Бару 13 июня, отчасти в туземных прау по рекам Йохор-Лама и Сомброн (южному притоку р. Индау), отчасти пешком, я посетил в горах Индау там живущих оран-утан, которые оказались замечательно малорослым племенем с вьющимися и волнистыми, но *не* курчавыми волосами и самостоятельным, *не* малайским диалектом. Затем я поднялся по р. Пахан до источников р. Тамылен (одного из главных притоков р. Пахан), после бесплодных поисков оран Текам. Здесь в горах у верховьев рек Тамылен и Лебе (притоку р. Клантан) я встретил значительное население оран-сакай, сохранившее вполне папуасский тип и много характеристических обыкновений (пробуравливание носовой перегородки, татуировку, употребление лука и т. п.), имеющее собственный диалект, но не отличающееся много образом жизни от оран-утан других местностей полуострова.

Две девушки оран-сакай;
Манго — женщина оран-сакай, около 30 лет

Ярлен — мужчина оран-сакай. Кампонг Лупон, княжество Румен;
Оран-семанг, лет 10

Спустившись по р. Клантан почти что к устью, повидавшись в Котта-Бару с радьей, я опять вернулся в горы, отчасти пешком, отчасти на слонах через земли малайских радий (подвластных Сиаму) Лете, Са, Румен, и почти что во второй раз пересек поперек {См. мое сообщение об экскурсии в Иохоре в начале этого года.} Малайский полуостров, причем опять имел удачу встретить или, вернее сказать, отыскать оран-сакай, очень схожих во всех отношениях с оран-сакай гор Клантана и Пахана. Хотя я был очень близко от западного берега, я снова вернулся к восточному, чтобы ознакомиться с оран-семанг Сингоро и Кеды, а также имея желание сравнить сиамское население, их быт и политическое положение с малайским, через Ялор и Патани, затем через земли радий Тодион, Теба, Чена (три последних -- с сиамским населением) и добрался до сиамского города Сингоро,

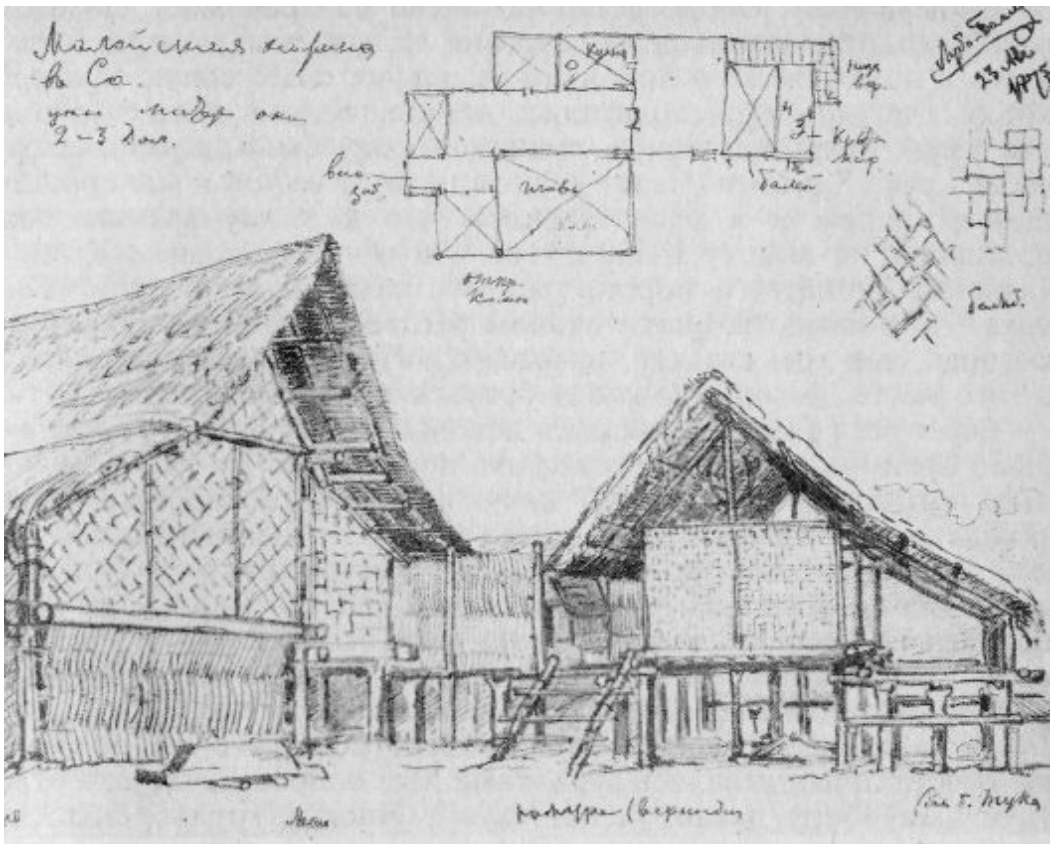
откуда уже по хорошей дороге на слонах в 4 дня вчера поздно вечером прибыл сюда, в столицу ям-туана[5] (или султана) Кеды. Сегодня 113-й день путешествия, считая от Йохор-Бару. Способы передвижения были очень разнообразны: я путешествовал пешком, на слонах, на плотах и в туземных прау самой различной величины и конструкции, то один, то со свитою 30 или 40 человек. Наступающее дождливое время затруднило и замедлило значительно последний месяц путешествия и заставило отложить мое дальнейшее путешествие сухим путем до Бангкока.

Положительные результаты моей экскурсии: антропологические и этнографические заметки о папуасском населении полуострова и сведения (хотя неполные) о их распространении; собрание нескольких диалектов этих вымирающих племен. Другой результат (для меня -- второстепенной важности) -- ознакомление с малайцами и их социальным и политическим положением в странах, бывших совершенно в стороне от прямого влияния европейцев; в эти 3 месяца я получил, я думаю, более верное понятие о малайцах и их характере, чем во время почти 3-летнего пребывания в голландских колониях Малайского архипелага.

Немало затруднений, потери времени, неполных и недостаточно положительных сведений было следствием большой подозрительности малайских радий и сановников, несмотря на рекомендательные письма *от* английского и сиамского правительства, что не раз заставляло меня думать, что эти письма составляют причину подозрительности и лжи; к этим качествам высших присоединялась и большая лень и боязливость низшего населения.

Я вел все время исправный дневник и имею коллекцию рисунков интересных типов, надеюсь также, что мои путевые заметки принесут некоторую пользу для пополнения географических сведений о полуострове[6].

Но как и результаты предыдущих путешествий, я отлагаю публикацию их до Европы, потому что время мое здесь может быть употреблено с большею пользою на новые исследования и вследствие того, что рисунки и карты не могут быть сделаны без личного надзора. Отправляясь в прошлом году из Явы и ставя себе задачу доставить положительные сведения о тогда проблематичном папуасском населении, я никогда не ожидал, что мне придется употребить на это целый год и что решение этих вопросов, расширяя горизонт наших знаний, повлечет за собой целый ряд новых задач для новых исследований и путешествий, о которых буду писать, как только найду более удобную для этого обстановку. Прилагаю при сем схематическую карту моих экскурсий на Малайском полуострове[8].



Малайская хижина в княжестве Са

Дворец радьи муды, город Сингоро

От Уту[1] Паханг до Улу Калантан {*}

(Краткий итинерарий, составленный на основе дневника, который я вел во время путешествия по Малайскому полуострову в 1875 г.)[2]

{* Учу Паханг и Учу Каяантан, или, вернее. Учу Сунгей Паханг и Учу Сунгей Каланчан, можно приблизичельно перевести как "истоки (или верхнее течение) реки Паханг" и "истоки реки Калантан".}

Чтобы добраться от Квалла Сунгей Паханг[3] вверх по течению до реки Тамилен, я затратил около 69--70 часов {Расстояние, которое можно проехать за *один* час, бывает здесь очень различным. Оно зависит не только от численности команды, их стремления к работе, от величины и нагруженности лодки и т. п., но подвержено существенному влиянию течения. Последнее в свою очередь сильно различается в разных местах в зависимости от понижения уровня дна, притоков различной величины и различной силы течения, от изгибов главной реки, количества дождевых осадков и т. д.}. Путешествие совершалось в довольно большой плоскодонной лодке, которую четыре туземца (малайца), меняясь попарно, толкали вперед длинными шестами. Этот вид транспорта, который я обнаружил здесь, как и в Йохоре, в Калантане и почти повсеместно на Малайском полуострове, используется отчасти по причине малой глубины реки, отчасти же и преимущественно вследствие значительной силы течения; он имеет большое преимущество перед греблей, потому что по мере того как шесты попеременно втыкаются в грунт, получается крепкая опора, которая препятствует сносу лодки назад течением или по меньшей мере сильно уменьшает его.

Если принять скорость движения вперед за полторы -- две мили в час {Лодочники делали (по моим подсчетам) 1200--1500 шагов вдоль борта лодки, в час, каковое число не может значительно отличаться от пройденного расстояния. Незначительный источник ошибки кроется в сносе лодки встречным течением, который, однако, очень нелегко рассчитать и который едва ли следует принимать в расчет при приведении приблизительных данных.} (каковая скорость во всяком случае скорее приближается к минимуму), то расстояние до Квалла Сунгей Тамилен от эстуария реки Паханг округленно составляет около 120 миль[4].

Неподалеку от Квалла Тамилен я обнаружил, что главное течение все еще имеет в ширину 40 саженей[5]. Досюда дно подымалось очень постепенно[1]*. Но ложе притока Тамилен становится довольно крутым и образует многочисленные дирамы[6], или быстрины, между тем как в других местах глубина реки очень невелика[7]. Около устья Тамилена на правом берегу этой реки находится значительная деревня, называемая кампонг[8] *Рух.* Здесь я поменял свою довольно большую, снабженную крышей лодку, где удобно располагались все мои вещи и двое слуг[9], на два узких открытых каноэ, причиной чему были дирамы и отмели[2]* реки Тамилен. Через 9 часов пути от ее устья мы прошли шестой дирам и я удостоверился, что к этому времени мы поднялись на высоту в 250 футов 76 м над уровнем Квалла Тамилен. У шестого порога рядом с кампонгом помулу {Помулу -- титул небольшого начальника[3]*.} *Гендона*[10] я заметил на значительном расстоянии приметную гору, которая, как мне сказали, называется *Гуну*[11] *Тахан;* думаю, что с того места до горы можно добраться за два или три дня пути.

Берег реки Тамилен оказался довольно населенным; население было преимущественно малайским, но я видел там также несколько китайцев; оранг-сакай, кочующие в окрестностях, редко заходят в этот кампонг. В качестве распространенной эндемической болезни я обнаружил здесь *зоб* {У А. Хирша *(Hirsch A.* Handbuch der historisch-geographischen Pathologic Bd. 1. Erlangen, 1860. S. 18 правильно -- 416, я не нашел упоминания о Малайском полуострове при перечислении стран с эндемическим господством зоба.} и встретил среди больных несколько совершенно замечательных его случаев. Я не мог определенно решить, сочетается ли здесь эта болезнь с *кретинизмом*[12]; неожиданный визит оранг-пути[13], никогда здесь не бывавшего, наполнил местных жителей таким недоверием (как

повсеместно в малайских государствах полуострова), что они по большей части прикидывались дурачками и на вопросы отвечали "тра тау" или "бару датан, белон тау"[14]. Иногда трудно было не счесть такого застигнутого врасплох и прикидывающегося дурачком человека настоящим кретином[15].

Следуя вверх по течению реки *Тамилен* в течение 22 часов; я достиг устья еще меньшей речки -- *Сат* или *Саат.* Отсюда, от Квалла Сат, расходятся два пути: далее вверх по реке Тамилей в восточном направлении идет путь в Трингано (куда можно добраться за три-четыре дня); речка Сат образует в северном направлении путь в Калантан. Мне потребовалось еще 6 часов[4]*, чтобы добраться до *Улу Сат,* где находится небольшой кампонг *Чиангут*[16]. Далее речка оказалась слишком мелкой даже для самого маленького каноэ, вмещающего только двух человек и немного багажа.

От Чиангута (Улу Сат) нужно всего 8--9 часов пешего хода, чтобы достичь *Квалла Лимау,* принадлежащего к водной системе реки Калантан. От Чиангута следуют сперва по течению ручья *Претан* (Анак Сат -- "дитя Сата"[17]), затем подымаются, все время придерживаясь северного направления, на *Бату-атап*[18] -- "тампат крамат"[19], где малайцы оставляют, засунув в расселину скалы, небольшие жертвы (рис, сири[20], табак и т. п.). Эта возвышенность образует политическую границу между (территориями) Паханга и Калантана и одновременно водораздел между обеими речными системами -- реки Паханг и реки Калантан. Затем подымаются еще на одну возвышенность почти такой же высоты (около 400 футов 122 м выше Чиангута). Отсюда двигаются все также на север, под гору, до речки Лимау[5]*. Здесь путешественники сооружают обычно из бамбуковых стволов ракет (плот)[21], чтобы плыть по течению[6]*. Квалла Лимау лежит приблизительно на 450 футов[22] ниже Бату-атапа. От Квалла Лимау путь идет по рекам *Трепал* (5 часов) и *Бадокн,* по которым плывут вниз по течению. Эти речки узки и полны дирамов[7]*. Далее требуется 8 часов, чтобы добраться по рекам *Бадокн, Ко, Ретон* до впадения последней в реку *Лебе*[23].

Неподалеку от *Квалла Ретон* в реку Лебе впадает также *Аренг,* по берегам которого я встретил значительное число оранг-сакай, которые здесь даже построили несколько хижин (на малайский манер) и развели несколько плантаций.

Вниз по реке Лебе[24] 9 часов пути до *Квалла Тикко*[25]*,* откуда ведет значительный по своей ширине и дебиту поток, называемый *Сунгей Калантан*[26], следуя которым достигаешь устья за 11 часов. *Котта-Бару*[27] резиденция радьи Калантана, находится на расстоянии полутора часов пути от эстуария этой реки.

Существует, как я слышал из надежных источников, другой путь от Уну Паханг в *Калантан.* А именно: следуют по главному течению Паханга далее Квалла Тамилен и приходят к Улу Калантан от Квалла Тамилен столь же коротким пешим путем[8]*, чтобы оттуда по рекам *Пулай, Галла, Тикко* добираться до Котта-бару[9]*.

Рядом с кампонгом помулу То-Радья[28] в Улу Паланг дорога раздваивается: в Салангор на запад и в Калантан на восток.

[1]* *Далее было:* и только последние 20 часов.

[2]* *Далее было:* где лодочникам приходится спрыгивать в воду, чтобы облегчить каноэ.

[3]* *Далее было:* главы деревни.

[4]* *Далее было:* пути в очень маленьком каноэ.

[5]* *Далее было:* идя по ней по колено в воде, до тех пор пока.

[6]* *Далее было:* У меня была одна-единственная возможность.

[7]* *Было:* и имеют очень каменистое русло.

[8]* *Далее было:* как мне сказали малайцы, но что достоверно, за 6 дней, хотя этот путь можно, вероятно, проделать гораздо быстрее.

[9]* *Далее было:* В Улу Галла добывается в значительном количестве золото.